
АЛЕКСАНДР
СОЛЖЕНИЦЫН
КРАСНОЕ
КОЛЕСО
УЗЕЛ IV
АПРЕЛЬ СЕМНАДЦАТОГО
КНИГА 2

Александр Солженицын

Красное колесо. Узел 4. Апрель Семнадцатого. Книга 2. Том 10

«ВЕБКНИГА»

1984–1989

Солженицын А. И.

Красное колесо. Узел 4. Апрель Семнадцатого. Книга 2. Том 10 /
А. И. Солженицын — «ВЕБКНИГА», 1984–1989

ISBN 978-5-96-912450-9

Отголоски петроградского апрельского кризиса в Москве. Казачий съезд в Новочеркасске. Голод – судья революции. Фронтовые делегаты в Таврическом. – Ген. Корнилов подал в отставку с командования Петроградским округом. Съезд Главнокомандующих – в Ставке и в Петрограде. – Конфликтное составление коалиции Временного правительства с социалистами. Уход Гучкова. Отставка Милюкова. Керенский – военно-морской министр. – Революционная карьера Льва Троцкого. По завершении «Апреля Семнадцатого» читателю предлагается конспект ненаписанных Узлов (V–XX) – «На обрыве повествования», дающий объемлющее представление о первоначальном замысле всего «Красного Колеса». Детально прослеживаются события Семнадцатого года, сжато – с февраля Восемнадцатого по весну Двадцать Второго.

ISBN 978-5-96-912450-9

© Солженицын А. И., 1984–1989
© ВЕБКНИГА, 1984–1989

Содержание

Двадцать третье – двадцать девятое апреля 7
92" 7
93 14
94 21
95 24
96 28
Документы – 16 32
97 33
98 39
99 44
100 45
101 50
Документы – 17 54
102 55
103″ 58
Документы – 18 62
104 63
105′ 65
106 69
Конец ознакомительного фрагмента. 71

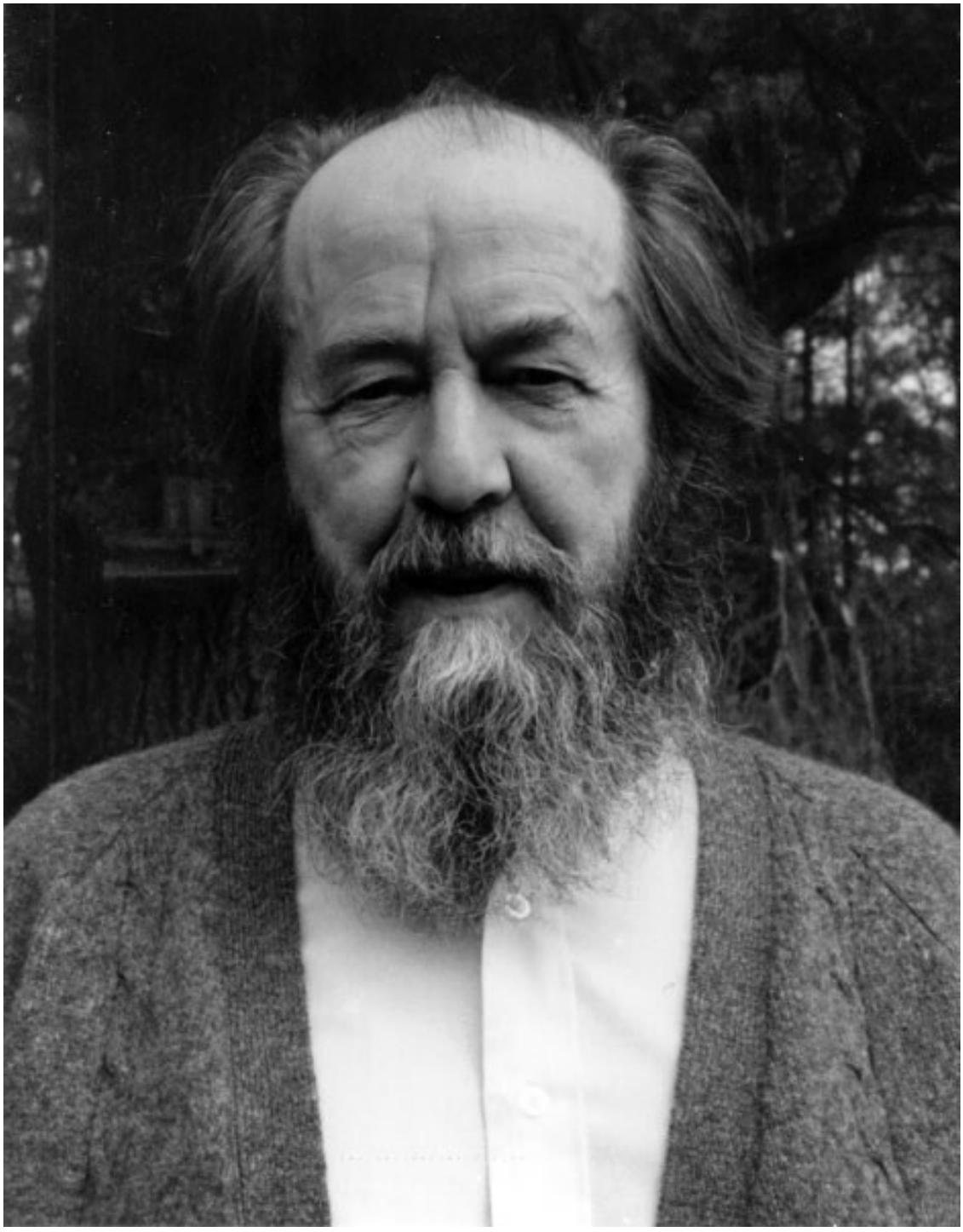
Александр Солженицын
Красное колесо. Узел 4. Апрель Семнадцатого. Книга 2. Том 10

Редактор-составитель **Наталия Солженицына**
Художественное оформление, макет **Валерий Калныньш**

© А. И. Солженицын, наследники, 2022
© Н. Д. Солженицына, составление, краткие пояснения, 2022
© А. С. Немзер, сопроводительная статья, 2022
© «Время», 2022

* * *

Вермонт, 1989

Двадцать третье – двадцать девятое апреля

92"

(по буржуазным газетам, 15–23 апреля)

ЗАЁМ СВОБОДЫ. Воззвание Временного правительства.

К ВАМ, ГРАЖДАНЕ ВЕЛИКОЙ СВОБОДНОЙ РОССИИ, К ТЕМ, КОМУ ДОРОГО БУДУЩЕЕ НАШЕЙ РОДИНЫ. СИЛЬНЫЙ ВРАГ ГРОЗИТ ВЕРНУТЬ СТРАНУ К МЁРТВОМУ СТРОЮ… НУЖНА ЗАТРАТА МНОГИХ МИЛЛИАРДОВ, ЧТОБЫ СПАСТИ СТРАНУ…

ВОССТАНИЕ В СЕРБИИ против болгар.

Падение духа в турецких войсках… Положение турецких войск в Месопотамии становится всё более тяжёлым. Иерусалим полон беженцев…

Вашингтон. Подписка на «Заём Свободы 1917 г.» выразилась положительно в золотом потоке, идёт в таких огромных количествах, что грозит загромоздить все телефонные линии. Фактически каждый мальчик-рассыльный даёт телеграфное распоряжение о подписке на заём…
(Агентство Рейтера)

…Но мы все, русский народ, будем ответственны перед историей, чтобы дальнейший ход революции был достоин её великого начала. За слабость нашей воли и разума поплатятся будущие поколения – но осуждено и проклято будет теперешнее. Перед судом грядущих поколений мы будем нераздельны в вине, как и в заслугах.
(«Речь»)

При старом режиме для пополнения казны был совершенно недостаточно использован налоговый аппарат. Нынешняя перестройка государственных финансов не может не быть связана с увеличением налогового бремени.
(«Речь»)

…Дайте армии людей! Неужели Россия оскудела народом? Где пополнения? Кто забронировался протекциями в тылу – изгнать силой всего народа!
(«Русская воля»)

ЗАЯВЛЕНИЕ КРОНШТАДТСКОГО СОВЕТА. Кронштадт вселяет безпокойство в чёрную сотню буржуазии… Кронштадтский Исполнительный Комитет Совета примет все меры решительной борьбы с тёмными элементами, прикрывающимися званием «корреспондентов Биржевых ведомостей».
Председатель И.К. Любович

КЛЯТВА ЖАНДАРМОВ. …отправляясь на позиции, бывшие городовые и жандармы приветствуют Временное правительство и Совет рабочих депутатов. Одушевлённые любовью к Родине и народу, мы даём клятву… Мы

защищали жизнь и имущество всякого мирного населения… Многие из нас имеют боевые отличия за японскую и нынешнюю войны…

…На юге ожидают сокращения посевной площади наполовину. Создавая совершенно необоснованную тревогу, владельцы и управляющие крупных имений бегут в город, бросая имения на произвол судьбы… Неужели же торжество революции и выполнение социальных идеалов должны сопровождаться народным голодом?.. Земли остаются без посева, и нет посевного материала…

Харьков. Общественный комитет направил телеграмму в Петроград: немедленно удалить архиепископа Антония ввиду вредного направления его деятельности. В воскресенье 16 апр. была драка в соборе сторонников и противников. Зачинщик её – студент коммерческого института, во время богослужения оскорбивший архиепископа и угрожавший убрать его, арестован милицией.

…Как Синод должен выслушивать указ Временного правительства? – стоя, как высочайший указ, или сидя, как сообщение Совета министров? Решено: стоя, в знак всеподданности Временному правительству.

ТЁМНЫЕ СИЛЫ. Харьков, 17 апр. В Харькове распространяются тёмные слухи о том, что вчера, во время служения архиепископа Антония в Мироносицкой церкви, какой-то еврей Коуфман «что-то сказал». Коуфман подвергся избиению.

(«Русское слово», 18 апр.)

Житомирский городской Исполнительный Комитет обратился с ходатайством к Временному правительству: удалить епископа Евлогия из пределов Волынской губ. Ходатайство поддержано житомирским Советом рабочих депутатов. Но духовенство расходится со всеми общественными организациями и выступает не в том направлении, как это было бы желательно в смысле укрепления основ нового строя. И Евлогия до сих пор не высылают.

Житомир. Украинская рада высказалась за немедленное удаление архиепископа Евлогия из пределов Украины как врага украинского народа.

…Сведения депутата ГД Фридмана, что в Подольской губ. ведётся погромная агитация, не соответствуют действительности. Нигде в Подольской губ. не наблюдается проявления вражды к евреям.

БОЙТЕСЬ ЭКСЦЕССОВ! …Над ленинцами нависла опасность народного самосуда. Скажем сразу: было бы несчастьем для революции и позором для свободного народа, если бы имел место какой-нибудь насильственный акт, какой-нибудь эксцесс против Ленина или «Правды»… безтактная полемика с Лениным некоторых органов печати, подозрения в «германофильстве», подозрения ни на чём не основанные… кто призывает к расправе с Лениным – вот подлинная агитация к гражданской войне.

(«Биржевые ведомости», 17 апр.)

…Революция принесла народу ценный подарок: вежливость. Основное последствие революции – радостное просветление народа. А первомайский праздник показал, что за вежливостью пришли и смех, и радость.

Ж-д билеты. …создан особый комитет по урегулированию продажи ж-д билетов. Комитет обратился к населению с воззванием: записываться на очередь на первую половину мая и не образовывать очереди на Б. Конюшенной в день светлого первомайского праздника…

В **Москве** острый недостаток фуража, гибнут лошади. Готовится введение карточек на фураж. С 18 апреля уменьшен жителям хлебный паёк с 1 ф. до 3/4 ф.

В марте и апреле много германских и австрийских подданных самовольно приехали в Москву.

Опера «Жизнь за царя» будет теперь, очевидно, исключена из театрального репертуара.

В Мариинском театре совещание о дальнейших отсрочках военнообязанным артистам… В Александринском театре таких 28 ч., в том числе Мейерхольд. На собрании труппы Александринского театра принята резолюция: «Признать деятельность театров в военное время необходимой, так как она поддерживает бодрость в народе».

Не секрет, что вместе с борцами за свободу кое-где с сибирской каторги выпустили и уголовников. И все выдают себя за освобождённых политических.

Одесса. В честь 1 мая ярко манифестировал весь гарнизон во главе с генералитетом, офицерством и до последнего солдата. Евреи-юнкера шли с пением древнееврейских песен.

Витебск. Сознательным классом населения переворот встречен в нашей губернии с восторгом, но среди тёмной массы произошло замешательство. Наблюдались явления, не отвечающие задачам момента, – но сознательный класс взял верх.

(«Биржевые ведомости»)

В **Киеве** организуется общество югороссов. Югоросс – тот, кто признаёт своим языком русский литературный язык, а местом деятельности – территорию свободной Украины. Бороться с узко-национальным течением…

Ростов-на-Дону. Собрание трёх тысяч русских галичан постановило протестовать против захватной деятельности украинцев и их произвола к русским галичанам, буковинцам и угророссам, и их попыток превратить русские гимназии в украинские.

Ростов-на-Дону. Общее собрание студентов и курсисток всех высших учебных заведений постановило… На священной обязанности всей демократии лежит работа по углублению завоеваний революции… С 17 апреля прекратить занятия и экзамены, все студенты и курсистки считаются переведенными на следующий курс. Студенты и профессора обязуются во имя народных интересов наверстать потерянное время в будущем учебном году. Ввести нравственно обязательную трудовую повинность – агитацию среди крестьянства.

Симбирск, 19 апр. Из арестантских отделений, обезоружив стражу, бежали 12 громил. 8 задержано, четверо самых опасных скрылись.

Иркутск, 20 апр. Сгорел кафедральный Богоявленский собор, в том числе гробница блаженного Софрония, епископа Иркутского.

ВАНДАЛИЗМ. В Таганроге отбиты руки и голова у статуи Александра I, работы Мартоса. В Екатеринославе статуя Екатерины II отправлена на переплавку.

Жертвуйте сухари для наших пленных воинов.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ БЛАГОДАТЬ – фарс-эпизод из жизни старца Григория Распутина.

ТЕАТР-ФАРС – **В ЧУЖОЙ ПОСТЕЛИ**. – **Конкурс натурщиц**.

Случайно продаётся **ВИЛЛА-УСАДЬБА**.

?!? КВАРТИРА?!? – 700 руб. за содействие.

КУРЫ И ЯЙЦА лучших пород.

ЗДОРОВЫЕ домашние еврейские обеды можно получить ежедневно.

Обязательная воинская повинность в Соединённых Штатах – революционный переворот в психологии американского народа.

Нью-Йорк. Известный вождь американских евреев Луи Маршалл в речи на собрании еврейской общины Нью-Йорка сказал: «Все мы являемся друзьями русского народа и любим эту величайшую демократию мира… Мы должны поставить Россию в известность, что американские евреи высказываются против сепаратного мира».

Чтобы вести войну – нужны деньги.

Подписывайтесь на Заём Свободы!

Новое Правительство, облечённое доверием народа,

будет расходовать их на дело народа.

Все, кто любит родину, подписывайтесь на Заём Свободы!

«Не подписываться на Заём Свободы могут только сторонники старого режима», – заявил в Благородном Собрании английский атташе.

Изданный проект городского самоуправления воплощает предел мечтаний в самых свободных государствах! Никакого имущественного ценза! никакого ценза оседлости! Голосование – не за индивидуальных кандидатов, а за партийные списки. Воплощено всё лучшее, до чего дошла демократическая мысль!

(«Речь»)

«Бывшего императора Николая II держат изолированным, чтобы он не выдал наших государственных тайн Германии».

(Из выступления в петроградской городской думе)

…По всему Югу пленные бросают работы в имениях и уходят. На вопрос куда – «домой». Положение хозяйств становится критическим. Масса пленных свободно разгуливает по краю.

(«Утро России»)

Съезд лесопромышленников. Петроград, 21 апр. Председателем избран Давыдов, товарищами председателя – Гинзбург, Левин и Шапиро… производить лесозаготовку и сплав… не только отказываются крестьяне, но местные волостные комитеты не допускают и пришлых рабочих, говоря: «Скоро все леса будут наши»… Черносотенные элементы поднимают агитацию против лесопромышленников-евреев. Рубка леса запрещается крестьянами… В докладе Берлина было обрисовано, на каких условиях лесопромышленники берутся вести заготовки для ж-д и фронта: должны быть даны правительственные гарантии возмещения убытков от самоуправства крестьян.

Священник Д. Попов (член 1-й ГД) создал «Союз демократического православного духовенства и мирян». Секретарь – священник А. Введенский. Задачи: церковная демократизация. Привлечение духовенства к участию в политической жизни страны не есть принижение небесного до земного… Надо демократическим силам стремиться к слиянию церкви с народовластием. И это даст церкви новый блеск.

Харьков. Воззвание архиепископа Антония: «В последние дни по Харькову идёт волнение, собираются митинги на площадях, в церквах и домах, ко мне приходят депутации, люди скорбят о моём предстоящем удалении с кафедры, негодуют на тех, кого считают виновниками, и угрожают им. Я был бы очень опечален, если бы мир омрачился дракой или кровопролитием…»

Московский губ. съезд учителей церковно-приходских школ… «навсегда упразднить заведывание школами со стороны священников»… Вышли из епархиального дома с пением марсельезы.

У Казанского собора Яков Рывкин выступал перед толпой с требованием заключить мир и не давать денег правительству в виде займа. Возмущённая толпа с помощью милиционеров доставила Рывкина в комиссариат. Помощник комиссара Носарёв отказался арестовать, ссылаясь на свободу слова. Толпа грозила разнести комиссариат – и милиционеры едва убедили её. Рывкина освободили. При таких же обстоятельствах были отпущены ленинцы Готлиб и Перухин.

Петроград, 20 апр. Совещание городской комиссии по контролю за продажей ж-д билетов… Вокзалы настолько переполнены пассажирами, что даже имеющие билет не могут попасть в вагон. Рекомендовать установить уголовную ответственность для лиц, самовольно занимающих места в вагонах. Обратить внимание на развившееся протекционное приобретение билетов через учреждения и общественные организации. При министерстве финансов создаётся особое совещание для установления особой платы за пользование местами для сидения в вагонах ж-д.

Арест Сосновского-Рогальского. Сбежавший из тюрьмы аферист арестован 20 апр. на Николаевском вокзале, когда ещё раз позвонил в м. п. с., где самозвано был комендантом в первые дни революции. Выяснилось, что за то время он между прочим присвоил себе 148 золотых медалей (несколькими «наградил» своих солдат охраны), торговал пропусками в министерство, брал до 100 руб. за вход. Рассылал по линиям собственные шифрованные телеграммы сообщникам. Питался в долг в буфете министерства.

Союз фармацевтов обратился к населению Петрограда с заявлением. Будучи вынуждены выступить на активную защиту своих прав, фармацевты решили прибегнуть к единственному средству борьбы – стачке, фармацевты прекратят работу. Аптековладельцы назвали это воззвание «погромным листком». Стоя на страже интересов населения, аптекари должны сами стать к прилавку и привлечь членов своих семейств.

В **Киево-Печерской лавре** – новое покушение на кощунство…

Кременчуг. При катастрофическом наводнении много грабителей расхищало имущество в затопленных местностях.

Одесса, 19 апр. «Коалиционный совет студенчества» постановил немедленно прекратить учебные занятия и использовать остаток учебного года на посещение лекций политического характера…

Кишинёв. 1200 дезертиров и уклоняющихся с пением революционных песен пришли в управление воинского начальника и заявили о желании отправиться в Действующую армию.

ПРОТИВ ВАНДАЛИЗМА. А. Бенуа, М. Горький и др. …телеграмму в Екатеринославский Совет… с настоятельной просьбой не переливать

в снаряды памятник Екатерины II, т. к. он представляет величайшую художественную ценность…

Памятник спасён и перевезен в Потёмкинский дворец.

Хутор Романовский **Кубанской обл.** ходатайствует преобразовать его в «город Родзянск».

ФИНЛЯНДСКИЕ КУРОРТЫ.

Электротеатр ФОРУМ – **Монопольно** в нашем театре «ВЕРА ЧЕБЕРЯК». Киевский кошмарный процесс по сценарию Н.Н. Брешко-Брешковского и ***Весенние Моды Парижа***.

ТОЛЬКО У НАС! – «И угрожала, и ласкала, и опьяняла, и звала…»

ПРОДАЁТСЯ редкой красоты ДОГ.

Бедная вдова, которую обокрали, просит добрых людей пожертвовать чёрную верхнюю юбку.

ОДОЛЖИМ ДЕНЬГИ ГОСУДАРСТВУ В НОВЫЙ ЗАЁМ И СПАСЁМ ЭТИМ ОТ ГИБЕЛИ НАШУ СВОБОДУ!

Париж, 21 апр. С чувством живейшего удовлетворения газеты обсуждают ноту Милюкова. – *«Тан»:* Великий русский народ не созрел бы для режима свободы, если бы не сознавал своих обязанностей… Нота Милюкова служит доказательством того, что Россия действительно созрела для образования из себя великой демократии». – О тревогах в Петрограде, о роли Совета рабочих депутатов французское общественное мнение почти не осведомлено.

Лондон. *«Дейли Ньюс»* предостерегает публику от преувеличенной оценки положения в России, будто бы грозящего расколом. – *Агентство Рейтера:* «Нельзя нанести большего оскорбления нашей великой союзнице, как намекать, что её политика вызвана усталостью от войны».

…Страшно сказать – в с в о б о д н о й России и произошло пролитие крови?.. «Правда» продолжает поджигать русскую свободу, не боясь анархии. Окрасили человеческой кровью нашу прекрасную свободу. Святотатственно посягнули на великую безкровную революцию… Откуда эта ярость и свирепость ораторов? Ведь только что одержана победа над царём! А ожесточение растёт. Казалось бы: страшная ответственность перед будущими поколениями должна объединить нас всех. Спорить не о чем, надо ставить Россию выше партий!

Поздно вечером 21 апреля – радость успокоения от решения Совета рабочих депутатов. День 21 апреля – это лавровый лист в венок прекрасной русской революции. День 21 апреля – это счастливая улыбка.

Лондон *«Санди Таймс»:* «Волнения, произошедшие в Петрограде, были преувеличены. Возникшие партийные раздоры не могут дать повода сомневаться в преданности новой России общему делу союзников». – *«Вестминстер Газетт»:* «Речь Милюкова с балкона Мариинского дворца явилась прекрасным выражением русского настроения. А вступление Соединённых Штатов выдвигает идеальные цели, торжество великодушной гуманности над реакционным насилием…»

Москва. 23-го, в воскресенье вечером на Скобелевской площади состоялся многолюдный митинг и сбор пожертвований на Заём Свободы. Женщины снимали с себя драгоценности, простой народ приносил старинное серебро и монеты. С энтузиазмом собрали 4 полных мешка денег, бриллиантов, колец, биноклей, золотых вещей и пр. Толпа пела

«Марсельезу» и инициатора сбора Дубинского внесла на руках в генерал-губернаторский дом.

93

Нельзя было придумать худшей погоды, чем выпало в Москве на «первомайскую» демонстрацию – то под холодным дождём, то под снегом, лишь к концу дня появилось солнце, но и сразу же морозный вечер. И несмотря на это, кому было положено по плану устроителей, все прошагали.

Давид опять смеялся, что глупое зрелище, нечего и время терять, а Сусанна всё-таки пошла смотреть, с Руфью. Она ожидала, что это может стать предобещающим (или предупреждающим?) явлением нового мира. И не ошиблась. Лозунги все можно было предвидеть, – но как и кем это неслось! По белому знамени красными буквами «да здравствует Интернационал» несла большая группа… монашенок. А инвалиды несли плакат «что кому дала война», держимый костылями. А прислуга – «долой рабство домашней прислуги». А у подростков – «подростки Москвы, объединяйтесь». (Ох, не будет ли от этого битых стёкол…) Шествие дворников несло впереди метлу, повязанную красными лентами. (Видно, что она останется без прямого употребления.) И с такими же красными лентами в петличках и на фуражках открывали процессию завода Гужона – почему-то военнопленные австрийцы и немцы, вот и зримый интернационал, быстро они получили права. Ещё и чехи, словаки – отдельно, судя по надписям. И отдельно украинцы, и отдельно латыши. Пожарные в касках. На плакате, в россыпи недостающих тут солнечных лучей, рабочий от наковальни братается со старинным русским витязем: «Лучи свободной России да осияют весь мир!» У кожевенного союза Георгий Победоносец поражал дракона-царя. А один душевнобольной вышел с портретом Николая II и с надписью: «Пусть я безумец, но люблю Государя». Толпа изорвала портрет, а носчика задержали.

Сусанне приходилось видывать западные масленичные карнавалы. И сегодняшнее чем-то походило на те – что все были как будто ряженые, что ли, не сами собой?

Ну, разумеется, все главные площади успел объехать Грузинов верхом. Но войска, хотя и с оркестрами, проходили нестройно, подчёркнуто демократично, офицеры тушевались, смешивались с солдатами, не давали военного тона, а солдаты и курили на ходу, – толпа, а не строй. Только юнкера-александровцы прошли отлично (но несли: «Земля – трудящимся»). Пели все – революционные напевы, но с какой-то уже сектантской заунывностью. Тронули бундовцы: они пели по-еврейски. И всюду, всюду – речи, на Красной площади – с Лобного места и со ступенек Исторического музея, и дальше на каждой площади, до Ходынки. Все улицы были, как говорится, «лес красных знамён», но вот что: при уверенных словах песен демонстранты шли совсем не с весёлыми лицами, скорей с истомлёнными, может от дурных предчувствий (или так казалось Сусанне, Руфь не находила так), или это от погоды? А ещё: тысячи зрителей, ёжащихся на тротуарах или на балконах, не встречали шествий ни восклицаниями, ни приветствиями, ни взволнованными жестами. Как будто – уже распалось на две Москвы, и перед онемевшей второй проплывало по мостовым её красно-чёрное будущее. Красно-чёрное, потому что среди множества красных знамён иногда встречались и чёрные, анархистские – совсем и немного их, а угрожающе выделялись.

Вот при чёрном знамени идёт кучка рабочих, нервно сосущих папиросы, с мрачностью на бледно-зелёных лицах. Мещанка в платочке выбежала – и за рукав:

– Это у вас чёрный – насчёт чего? Хороните что ль кого?

– Ладно, не понимаешь – отойди.

Руфь – нашла во всём много ободряющего. А Сусанна Иосифовна ответила, не отрывая глаз от шествия:

– Где вы, грядущие гунны,

Что тучей нависли над миром?..

А может быть, все эти демонстрации кажутся страшными только с непривычки?

Да нет, вот и Леонид Андреев, а ведь он чуткий. О петроградской демонстрации, которой все так восхищались, напечатал: «Невесел был наш первый свободный праздник. Тёмными тенями реяли угрозы, косы были взгляды, чьё-то ружьё слишком блистало на солнце».

И всего два дня понадобилось после этого отторжествованного праздника, чтобы дурным предчувствиям Сусанны пришла новая пища: телеграф и телефон принесли известия о внезапных волнениях в Петрограде в четверг.

А в пятницу они произошли и в самой Москве, хотя гораздо слабей. Говорят, приходили на заводы какие-то неизвестные лица, заставляли прекращать работы, требовали громить правительственные учреждения, в Замоскворечьи и разгромили два милицейских комиссариата. С нескольких заводов пришли на Скобелевскую площадь манифестации «долой Милюкова», «долой буржуазное правительство» и чудовищно пели «Марсельезу». А один запасной полк примаршировал с винтовками, говорят заряженными, выстроились у скобелевского памятника и потребовали от Совета выразить недоверие правительству. С балкона генерал-губернаторского дома их еле успокоили Хинчук и Гендельман: что Совет всё знает и помнит, а товарищам рабочим и солдатам не надо распылять энергию на изолированные выступления. Кое-как ушли, но митинги в разных местах до вечера. Один офицер у скобелевского памятника требовал захватить проливы – его чуть не убили. Один студент кинулся рвать плакат «долой войну» – его сбили с ног и только тем выручили, что под видом арестованного отправили в Совет. Наоборот, когда вечером на Лубянской площади появилась группа рабочих с «долой войну», а на Тверской с «да здравствует Германия» – на них кинулась толпа центральных кварталов и разорвала все их флаги в лоскутья, а один военный кричал: «Если не арестуют Ленина – мы его застрелим!»

И всё это вспыхнуло – сразу же после парада единения. И как страстно спорили на площадях!

Эти уличные споры очень можно понять: заражает желание участвовать, вот только эту ближайшую ничтожную кучку убедить, вот только этого случайного оппонента переспорить – и как будто что-то достигается. И – достигнется, вот такими атомами и делается история, да. И даже надо спешить убеждать, потому что толпа динамична и то, что осуществимо в четыре часа пополудни, – может ослабнуть и развалиться к десяти.

Вчера, в субботу, в Москве было тихо, кое-где митинги на площадях, но уже без страсти. Однако достаточно двоим остановиться и громко заговорить – уже вокруг них сгущаются. Вчера же был упорный слух, что в Москву едет Ленин. Потом – что свернул на Иваново-Вознесенск. Потом: что едет мимо, в Евпаторию.

А сегодняшнее воскресенье было и вовсе тихим, всё как будто прошло. На сегодня же Давид просил устроить деловой обед.

Приглашённых – всего лишь трое, но скоро и такой обед может оказаться не под силу: горничная Саша была на грани ухода. Отношения с ней испортились не по личным причинам, а не могла она простить, что все тутошние гости нескрытно ликовали в революционные недели; да вообще город «стал безбожным», и она покинула надежду хорошо выйти в Москве замуж, решилась уезжать к себе в рязанскую деревню. Сусанна очень привязалась к Саше, жалела: она была безупречного поведения и служила отлично, выглядела достойно-красиво у стола. Теперь отколет из своего угла все монархические портреты и повезёт в деревню. А кухарка – та нисколько не собиралась уходить, но стала нагло отвечать, ещё более нагло воровать продукты, даже просто досадно иногда, не всякий продукт теперь легко достанешь, плохо с мукой, со сладким, даже трудно достать французские булки. Давид бесился: «Если мы безправны

у себя дома, то какие мы вообще свободные граждане?» Но нет уверенности, что, рассчитав эту, найдёшь другую лучше.

Приглашены к обеду были: старый Шрейдер, вдовец, Игельзон, холостяк, и, главное лицо, кадет Мандельштам, но его жена так была занята общественными обязанностями, что он приехал без неё. Итак, хозяйка была за обедом единственная же и дама. А обед понимался как деловой потому, что собирались не для развлечения, а обсудить последние события и предположения, как направить усилия дальше. Вместе с Мандельштамом Корзнер состоял в Комитете общественных организаций, это одно направление. Вместе с Игельзоном – в комитете присяжной адвокатуры по устройству народных собраний: уже большинство московских присяжных поверенных предоставили себя кадетской партии в качестве агитаторов и митинговых ораторов. А мудрый скептик Шрейдер, друг семьи, служил общим охладителем, в чём особенно нуждались и Корзнер, и Мандельштам.

Мандельштам опаздывал. Пока сели в гостиной. Крупноголовый грузный Шрейдер покуривал трубку. Первое, что жгло, было последнее, что произошло:

– Ипполит Тэн писал: несчастье, когда великая идея попадает в маленькую или в пустую голову: в маленькой она вмещается лишь частью, а пустая не находит ей критической оценки.

Худой острый Игельзон с летуче-сметливым выражением лица не замедлил сострить:

– Господа, я предложу вам специальный аспект: а что такое вообще есть манифестация? Это – упрощённый митинг на ходу: манифестант – это оратор, выражающий свои убеждения ногами, а плакат – это готовая краткая резолюция, к которой вам настойчиво рекомендуют присоединиться, если не хотите, чтобы вам свернули нос. Но как квалифицировать, если манифестации предшествуют вооружённые люди? Не становится ли она тогда частным случаем патруля или развода?

– Квалифицировать так, – сказал Давид, – что это был кризис гражданской слабонервности, но, кажется, миновал благополучно. Эти дни показали, что анархия уже начинает раздражать «человека и гражданина». Наступает, кажется, сдвиг массового сознания в сторону государственного понимания революции. Стремление к мирному порядку жизни всё-таки оказывается сильнее самой пленительной идеологии.

– Если считать людей всё же разумными существами, – буркнул Шрейдер, – то и в революции они должны бы желать жизни, а не самоубийства.

Но вошёл экспансивный и категорический Мандельштам, – он видел кризис этих дней с другой стороны. Во-первых – во всём виноват-таки Милюков: основательно или нет, но он вызвал к себе острое подозрение.

– Зачем эти неуловимые фразы для демократии, пламенеющей революционным жаром? Он ничего не предвидел, можно прийти в отчаяние, упрямый кадетский большевик, вот он кто. В жирондистской позиции возомнил себя Талейраном. И почему надо бояться формулы «без аннексий и контрибуций»? Самоопределение народностей возьмёт своё, нечего безпокоиться. Ну время ли твердить о войне до победы при таком разброде, без твёрдой власти?

Но в этом кризисе есть и плюс: тот, что ведущие социалистические круги впервые начали ясно высказываться против сепаратного мира, почувствовали на себе государственную ответственность.

– Да, плюс тот, – сказал Корзнер, – что сквозь испарения безумия государственный инстинкт одержал победу. Вчера Россия была накануне гибели – сегодня она на пути к выздоровлению. Теперь союзники убедятся, что наша революция идёт по твёрдому руслу. Эти два тяжёлых дня надо просто вычеркнуть из нашей истории, из нашей памяти, и всё.

– Но забудут ли их так легко большевики? – спросила Сусанна. – У их винтовок остынут ли дула?

– Это никем не доказано! – запротестовал Мандельштам, наиболее всегда осведомленный и единственный из них профессиональный политик. – На ленинцев сейчас валят все вины,

и зря. Не надо им приписывать, чего нет. Они, конечно, разбивают общее единое настроение, но они заслуживают и прощения. По произволу царского правительства они столько лет были вне России, вот и потеряли с ней связь. Это всё те же милые «русские мальчики». Но так долго в подполье – им трудно вздохнуть свежим воздухом. Они ведут себя так, будто свалились с луны. Но они скоро опомнятся. По отношению к ним просто не хватает разъяснительной работы. Надо вашему лекторскому объединению быть поэнергичней.

– А листовка в «Русских ведомостях»? – мрачно напомнил Шрейдер.

Он имел в виду на днях напечатанную там германскую фронтовую листовку прежних лет, для сравнения: поразительное совпадение и мыслей, и даже выражений с сегодняшними речами большевиков.

– *Similitude non est probatio!*[1]

– А Кронштадт?

– А уж там тем более стихия. Я повторяю, господа: выход в том, чтобы скорей-скорей просвещать народ – и притом на самых демократических началах.

– Но вы сказали на съезде, – всё так же мрачно возражал Шрейдер, – что для совершения революции вовсе не нужна долгая культурная жизнь народа перед тем.

– Для *совершения* – да! Но для продолжения – очень нужна! Население – само жаждет организации, а мы всё не вносим её.

Перешли к столу. Все четверо мужчин охотно выпили водки, закусили.

– Нет! – пристукивал Корзнер салфеточным кольцом по скатерти. – Нет! Мы два месяца парили в облаках, а надо спускаться на землю. Признать, что полная свобода дана русскому человеку несколько преждевременно. Нужна немедленная твёрдая, неуклонная власть. Прискорбный факт, но Временное правительство такой власти не имеет.

– Тоска по городовому! – пыхнул Мандельштам. – Власть правительства – моральная, и это превыше всего. Что ж, оно должно посылать карательные отряды на аграрные безпорядки? расстреливать дезертиров? военной силой усмирять на железных дорогах? арестовать Ленина и его агитаторов? Так чем мы тогда будем отличаться от царизма? Нет! Народ должен с а м проявить инициативу в борьбе с распадом! Временное правительство не имеет полной власти? Так дайте ему наше свободное республиканское повиновение!

– Нет! Нет! – ещё крепче настаивал Корзнер. – Власть должна быть несокрушимой. Единство воли! Надо влить в правительство твёрдость! Удержать его от сползания. Правительство должно стать неумолимо к неповинующимся! И для него и для всех нас – это экзамен на политическую зрелость, экзамен на умение осуществлять власть.

Тут и Игельзон согласен:

– А то наших вождей так много носят на руках, что они уже разучились ходить ногами.

– Нет! – вдохновенно отклонял Мандельштам. – Свобода сама исцеляет те раны, которые наносит. Для того чтоб остаться великой, свобода должна найти в себе самодвижущие силы победить и анархию внутри, и немца вовне. И она это сделает!

– Да, если энергично помочь свободе бороться с подстрекателями и безответственными агитаторами. Слишком мы в России не привыкли к общественно-созидательной работе.

– Для этого вы и «Дрезден» захватили? – съязвил Игельзон.

Гостиницу «Дрезден» Комитет общественных организаций вопреки мнению правительства вынужден был занять, потому что уже не помещался иначе со своими канцеляриями и штатами.

– Новые общественные формы – новое использование зданий, – отпарировал Корзнер. – Вон и собор на Миусах пойдёт под Учредительное.

---

[1] Похожесть не есть доказательство (*лат.*).

Грандиозный недостроенный собор на Миусской площади, внутри без единой колонны, а крышу покроют за будущее лето, может поместиться 6000 человек, Москва предлагала теперь для Учредительного Собрания, в большой надежде добиться принять его у себя. А в соседнем университете Шанявского разместятся канцелярии.

– Все эти революционные судороги, – диктовал Мандельштам, – имеют объективное основание. Чугунный царизм давил всех так долго, что теперь все хотят вздохнуть и выпрямиться. И солдаты, бегущие с фронта за землёй, по-своему тоже правы. Да, центробежность народностей, классов, профессий, групп, все выдвигают свои частные цели, – но и выдвигают же их с полным правом.

Шрейдер качал крупной, клоковатой головой:

– Но все эти обиды, предъявленные одновременно, и в такую грозную минуту, – грозят обрушить и раздавить нашу свободу. А посмотрите, какое чувство целого в Германии, – там просто культ государства.

– Да какую государственную жизнь, – остро воскликнул Игельзон, – вы можете наладить в стране, где объявляют заём спасенья – а подписываются только евреи да московские купцы.

Но Мандельштам это всё знал, обдумал, предвидел:

– Говорю вам, психология революционных партий создавалась при старом режиме, когда они не могли вести реальной политики. А теперь, когда надо реально строить, – у них в умах одни лозунги и резолюции. И когда резолюция принята – им уже кажется, что слово стало делом.

Социалисты всегда были и слабость, и привязанность Мандельштама (из-за них он едва не взорвал и кадетскую партию), он всегда интересно говорил о них.

– Эта прежняя психология в них не исчезла. Они никому, кроме своей каждой партии, не приписывают непогрешимости и никому, сравнительно с собой, не дают равного права любить свободу и служить ей. Даже умеренные меньшевики хотят держать революционную стихию постоянно на точке кипения. Даже плехановское «Единство» считает своим долгом «подталкивать» правительство и разоблачать его. Мол, в каждую минуту буржуазия может вырвать свободу у народа обратно. И от этого партийного соревнования могут быть ужасные последствия. Так и возник безтактный доклад Стеклова, где он глумился над правительством.

– А в каком тоне они разговаривают? Если нужно – мы позвоним по телефону и через десять минут правительство уйдёт в отставку! Да за десять минут даже кухарку нельзя рассчитать, надо дать ей две недели вперёд. Правительству надо или доверять – и тогда не мешать ему действовать. Или не доверять – и тогда заменить другим. Хорошо, – торопился Игельзон, – я не давал мандата Совету, но я им дам его, утопающие не разбирают. Пусть составляют правительство из одного Совета – но чтоб не было, как сейчас, что н и к т о вообще не отвечает за шаги России. Хорошо, идёмте через Циммервальд – только все разом, а не порознь!

– Ну не-ет! Ну не-ет! – отрешил шутника Корзнер. – Это у них не выйдет, через Циммервальд мы не пойдём. А то что́ они придумали – ещё и социальную, классовую революцию? Нет! Наша революция отначала была только политической, и такой должна остаться. Общероссийской, а не классовой. – Ребром быстрой ладони поставил границы с одной, другой, третьей стороны. – Мы хотели только смены лиц и системы неумелого управления.

С этим Мандельштам согласен, дал справку:

– Если политическая революция сопровождалась социальной, она всегда обрекалась на полный неуспех. Так во Франции в 1848: парижские рабочие, свергшие абсолютизм, этим не удовлетворились, а стали требовать себе прав, прав, эти идиотские придуманные Национальные мастерские, и всё погубили. Да в этом роде и у нас уже везде.

– Едешь в трамвае, – раздумчиво сказал Шрейдер, – слышишь рассуждение рабочего: кто б что ни делал и как бы ни делал – а плату всем одинаковую.

– Да, горючий материал для ненависти – почему не у всех одинаковые доходы.

– Да уже и в прошлом году хоть на дачу не езжай. В Мамонтовке стали мазать клеем скамейки. Или перекапывать велосипедные дорожки, а потом подглядывают из-за кустов, как перевернётся.

– А что сейчас начнут вытворять крестьяне?

– Если народ не подчинится новой дисциплине – вот он и есть взбунтовавшийся раб.

– Так в эти месяцы народ уже и проявил себя как горлан, пропойца, дрянь, – чеканил Корзнер. – И свою винтовку пропьёт, и свою деревню, и всю Россию. Теперь вот – пролетариат требует себе лести и угодничества.

По установившейся в доме обременительной необходимости при плавных входах Саши с блюдами – переходили на более отвлечённый или иносказательный язык.

Когда она вышла – Сусанна Иосифовна сказала печально-печально:

– Да просто слово «жид», теперь невозможное, заменили словом «буржуй».

– И то ещё – надолго ли? – подвижно метнул бровями Игельзон.

Мандельштам и Корзнер, только что спорщики, тут вместе были оптимистами: нет, к *этому* уже не вернутся, *этому* уже возврата не будет.

Все черты Шрейдера – крупные, мягкие, спокойные, а какие грустные:

– А я вам скажу: будет ещё и жид, и ещё как. И ещё всё произошедшее, и всё будущее плохое, – всё обернут против евреев. Если российская смута разыграется – мы же, евреи, больше всех и пострадаем.

Мандельштам и Корзнер дружно: совершенно исключено! Ход истории – не в ту сторону!

– А в какую? – спросил Шрейдер, изогнув большие губы, голову набок.

– Как? – изумился Мандельштам. – Да к демократии! Где свобода и самоопределение – там и воздух еврея!

– Не-ет, – растянул Шрейдер. – Где закон и порядок – вот там воздух еврея. Если нет власти и порядка – то евреи теряют из первых.

– Да стыдно вам так говорить! Не хотите ж вы возврата прежнего.

Шрейдер вздохнул:

– О прошедшем надо уметь говорить и объективно. За столетие с лишним в России мы поднялись и отряхнулись от прежнего польского упадка. От средневекового обличия. Мы так увеличились в числе, что смогли выделить многолюдную колонию за океан. Вырос средний уровень жизни, накопились многие капиталы. Среди нас распространилась европейская образованность. Мы позволили себе роскошь иметь литературу на трёх языках. Наше значение в Империи непрерывно увеличивалось. Надо понять, что наше благоденствие – уже связано с этой страной впредь навеки.

– Но могли ли мы не искать полноправия?

– Мы искали полноправия – в жизни, а не в разрушении.

– Но только когда есть правопорядок и свобода культуры – мы всегда постоим за себя.

– А то, что начинается теперь, – не обещает правопорядка.

Взгляд Мандельштама пламенел:

– Да что вы говорите! Что вы говорите! Именно теперь, когда мы больше не отделены искусственно от русской культуры, когда еврейское и русское самосознания могут наконец подлинно слиться, еврейский и русский аспекты примиряются в синтезе…

– Этот синтез, – не мог не ввернуть Игельзон, – у большинства русских вызывает скептическую улыбку, а правоверными евреями оценивается как ренегатство.

– Неизвестно, – мрачно тянул Шрейдер, – ещё выиграем ли мы ото всех этих самоопределений. – А вы, Сусанна Иосифовна, что-то вы помалкиваете?

Она молчала, да, но своим умно-нежным лицом – была вонзена в разговор, или вся пронзена им.

– Я? Господа, – сказала она, теребя брелок на груди. – Скажу откровенно: судьба русского еврейства безпокоит меня больше, чем все эти «завоевания революции». В наступивших событиях – мы ведь все на виду – и должны вести себя особенно сдержанно и достойно. А наша молодёжь, правда, рвётся всюду, всюду вперёд. И в Исполнительном Комитете – наших что-то чересчур много…

У неё это сливалось – лёгкий придых и внимательный подъём ресниц. Тепло-грустными глазами она обвела гостей и мужа:

– По-моему… боюсь сказать… будет жестокая гражданская война…

– Ну, не-ет, – рассмеялся Мандельштам. – Была такая опасность в февральские дни, но миновала. А теперь, как бы нас ни поворачивали, но государственное благоразумие и национальное единство всё равно возьмут верх. Потому-то нам и нужен прочный союз с левыми.

А Сусанна – ничуть не убеждённая, в том же горестном тоне:

– И – нет пророка! Какая скорбь, что Толстой не дожил до наших злосчастных дней, – может быть, его бы послушали.

А Шрейдер:

– Сусанна Иосифовна. Разве вы не знаете, что пророков слушают только тогда, когда их призывы приходятся по вкусу?

94

(Фрагменты народоправства – Москва)

* * *

21 апреля у 3-го пресненского участка собралась толпа в две тысячи человек, кричала:

– Где хлеб? Долой милицию! Долой Временное правительство!.. Дайте нам царя!

В помещение 1-го пятницкого комиссариата явилась толпа в двести человек, забрала у милиционеров 15 револьверов, несколько берданок и все наличные патроны.

* * *

На заводе Меньщикова рабочие избили заведующего и выгнали. На фабрике приводных ремней хотели утопить заведующего в реке, но помешала вызванная милиция.

* * *

Ещё перед самой революцией по Москве можно было безопасно пройти из конца в конец, – теперь на улицах стали раздевать. Стали нападать и грабить сберегательные кассы, магазины, особняки, многоквартирные дома.

* * *

Ночью шайка вооружённых (часть – в офицерской форме) заняла все входы «Латинских меблированных комнат» в Большом Козихинском переулке, объявила «обыск по важному делу». Перерезали телефон, связали прислугу, жильцов согнали в одну комнату. Душили заведующую, требуя ключей от несгораемого сундука. Не получив – оторвали от пола шестипудовый сундук с деньгами и ценностями, унесли весь.

* * *

На Садово-Кудринской вооружённые пытались ограбить особняк С.Т. Морозова.

Ограбили храм Богоявления Господня на Елоховской. При преследовании воров один подстрелен, но убежал.

А поймают вора – первым делом самосуд: «Из милиции их отпускают».

* * *

Повздорили в лазарете – и заразные больные идут по городу жаловаться в Совет солдатских депутатов.

* * *

А на Тверском бульваре у памятника Пушкину, по тёплому времени и светлеющим вечерам, митинг стал уже, кажется, круглосуточный и вседневный, как будто никогда не прерывается, только на кирпичной колокольне Страстного монастыря прокручиваются уходящие часы, часы. Люди меняются, а толпа не редеет. С гранитных уступов памятника постоянно кто-нибудь возглашает, ему откликаются из толпы, иногда голоса перешибаются звонами проходящих близко трамваев. К краю толпы подъезжают порожние извозчики, встают на козлы и тоже слушают. Мальчишками облеплены окружающие фонарные столбы и деревья бульвара. И с проходящих трамваев соскакивают к митингу любопытные.

– Почему именно мы, поверженные, взываем «без аннексий и контрибуций»? Нам наступили на грудь, на горло, а мы хрипим: «Ладно, я тебя прощаю, иди!»

Взлезает к памятнику, до чёрного мрамора, лбастый солдат, срывает папаху с головы:

– Буржуа́зия всё равно никогда мира не заключит! Она нашей кровью кормится! А мир – так мир, втыкай штык в землю – и домой. Какая нам выйдет земля, ежели её без нас делить почнут? Один шиш.

А уже на памятнике вместо солдата господин в мягкой шляпе:

– Где те маклера интернационализма, которые уверяли нас, что в Германии уже началась революция? что в Берлине образовался Совет рабочих депутатов?

– А вы, извиняюсь, почему на фронт не идёте, морда раздатая?

– Он пойдёт, когда ты пойдёшь.

Пронзительно кричит женщина:

– Кошелёк мой вытащили!!

* * *

В призывной комиссии по пересмотру белобилетников над каждым врачом поставлен «общественный контроль» – от Совета солдатских депутатов. Вот – проверка глаз у интеллигента, врач велит фельдшеру впустить по капле атропина. Мурло бунтует: «А почему другому гражданину пустили по три?» Доктор робко: «Глаза бывают разные, некоторым вредно больше». – «Нет! – кричит солдат, – теперя равенство! У кого твёрдый глаз, у кого мягкий, – всем пускать поровну!» И настоял.

* * *

Домовладелец Васильев с Чистых прудов не скрывал своих убеждений в пользу свергнутого строя и открыто высказывался на митингах. К нему домой пришли несколько молодых людей с ножами и зарезали.

А – ничего не взяли.

* * *

В Варваринском обществе народной трезвости на воскресенье 23 апреля была назначена и началась публичная лекция профессора Н. Д. Кузнецова: «Задачи момента относительно Церкви». Мысль докладчика была, что служение Церкви не зависит от политики и от партийных интересов. Публики собралось больше тысячи человек. Во время прений в зал вошла группа вооружённых солдат и рабочих. Подбежали к Кузнецову и к духовным лицам в пре-

зидиуме и навели револьверы: «Ни с места, вы арестованы!» Один вскочил на стол и стал читать бумагу от Совета рабочих депутатов: что не время заниматься религиозными вопросами, это отвлекает от революции, помещение реквизируется за антиреволюционное направление. После этого публике: «Очистить зал! Уходите! Будут стрелять!» Аудитория пришла в смятение. Одни бросились на лестницу, давя друг друга. Большинство перешло в соседний домовый храм, стали на колени и молились. Вторженцы с револьверами выгнали всех и оттуда.

* * *

Сбор Дубинского на Скобелевской площади на Заём Свободы в воскресенье вечером оказался – жульничество: драгоценности до Займа не дошли, и деньги не все.

* * *

Народовластие, как у нас, основано на доблести граждан.
Аджемов

* * *

95

Не думал Воротынцев, что в нынешние дни ждёт его в Ставке радость. А случилась. В оперативном отделении появился 2-й генерал-квартирмейстер, новая такая должность, надуманная Деникиным себе в помощь и в обход Юзефовича. Каждый новый начальник всегда притягивает своих – и Деникин для прочности притянул генерал-майора Маркова, бывшего своего начальника штаба бригады. На три года моложе Воротынцева, а уже генерал, и Ставка даже ещё долго задерживала его производство из-за молодости – а воевал он исключительно успешно, отлично, имел Георгия и 4-й и 3-й степени, и второе георгиевское оружие.

К кому бы другому, а к нему Воротынцев не испытывал зависти, но радовался как за себя, как за свой бы более удачный путь. Он знал Сергея Маркова ещё по Петербургу, когда сам уже кончил Академию, а тот только поступал. Бывает, что люди не просто нравятся нам, а вьются в душу, так мы с ними сразу открыты и пронимчивы для общения. И очень уж хорошая у него улыбка.

Подходит ли человек к военной службе и на каком уровне – на это намётан был глаз Воротынцева. Марков был – из тех, каких совсем немного среди офицеров, как заметил маршал Саксонский: кто занят высшими сторонами войны. Он – на месте был в Академии, когда учился там, а потом преподавал: так и впивался в военную науку. Но на месте же был и боевым начальником: природный драчун, как и должен быть всякий военный, и искал победы через отчаянные ситуации, не бережа себя. Прорвав австрийские позиции со своим 13-м полком и отрезанный, он велел трубачам играть полковой марш, собрал свои рассеянные силы, погнал австрийцев и ещё привёл две тысячи пленных. Другой раз, в Великом отступлении, не взорвал речного моста, как надо было: пожалел поток беженцев, и шесть часов вёл бой прикрытия, пока все прошли, – только тогда взорвал. Не из тех командиров он, как у нас бывает: если атакуют соседа, то радоваться, что тебя не трогают, и не помогать.

И по всему характеру Сергей Марков был понятен и близок Воротынцеву: прямой, откровенный до резкости, общительный, не таящий возражений, упрёков. Нервный, худой, легко вскакивал, быстро ходил, роста чуть ниже Воротынцева и в плечах у́же. У него было строгое, тонкое, выразительно-подвижное интеллигентное лицо, и только накладывались франтовские усы, закрученные остриями, а бородка – скромным аккуратным клинышком. И ещё было у него сходное с Воротынцевым – лёгкий язык, умение говорить с солдатами. Да он вот в марте побывал в переделке в Брянске, куда послан был успокаивать мятежных солдат, а они едва не растерзали его, но он нашёлся – и ещё они его качали.

И не одно это было место, куда его посылали за минувший месяц, – то сидеть на штабном армейском комитете, то на гарнизонном, то уговаривать эшелоны, забастовавшие ехать на фронт. А то – во 2-й Кавказский корпус, и там он вмешался трагически: слишком пылко упрекал генерала Бенескула, принявшего командование корпусом из рук прапорщика-бунтовщика, – и Бенескул через день кончил с собой. Офицеры корпусного штаба за то назвали Маркова убийцей – и Марков изнервничался до дурноты, никогда ничего подобного не переживал и в боевой обстановке, и угрызался, – но и не мог же он равнодушно отнестись к податливости Бенескула, это конец армии! И просил, чтобы корпусной комитет теперь отдал его суду как убийцу – но, напротив, на солдатском сборе комитетов ему устроили овацию: что верно он рассудил, не мог генерал принимать поста от прапорщика!

Так истрепался он ото всех изводящих безобразий – и ушёл изо всех комитетов:

– К чёрту! За один месяц революции я состарился больше, чем за всю войну.

Так наболело ему в 10-й армии, что очень кстати пришёлся вызов в Ставку. Но и Деникин тут, надеясь теперь на внезапный революционный опыт Маркова, поручил ему наладить связь

Ставки с большой прессой (как будто та пресса сама понимала, куда несла!), «дать Ставке рупор» и наладить «Вестники» в каждой армии.

Идея была правильная: заливала армию социалистическая необузданная печать, а голосов Главнокомандующих и командующих не слышала ни страна, ни даже солдаты. Идея правильная, а:

– Противно. Не солдатское дело. И до чего мы дожили? Во что война превратилась?

Во что?! Этот вопрос накатывался. И было крайнее время, не мямлить.

Очень они двое друг другу обрадовались, скинулись, встречно и по нескольку раз в день разговаривали. Понимали один другого с едва начатой фразы. Так Марков вот и заменил Воротынцеву Свечина, уехавшего со своим фаталистическим «поживём-увидим».

Марков – не жалел прошлого, он уже черпанул настроения от революции:

– Многое подлое ушло. Но и – много же накипи всплыло.

И, вполне неожиданно, одобрял проект комиссаров в армии, даже сам такой проект составил и послал в военное министерство:

– По крайней мере, перестанут офицеров травить. Разделим ответственность с комиссарами.

– Да Сергей Леонидыч, от чего ж это спасёт? Какая же армия будет при двоевластии?

– А какая сейчас?

А сейчас уже пишут: почему это за солдатские проступки будут судить полковые суды, а офицеров – высшие инстанции? Даже, мол, мелкие проступки самого командира полка могут разбираться на полковом суде!

Куда же дальше?..

А самовольный сгон национальных частей? Как украинцы едут в Киев. Солдаты дезертируют и сами выбирают, под какое знамя стать.

Куда ж дальше воевать? (Это – пока осторожным подво́дом, здесь можно и с ладным Марковым не найти общего языка.)

Марков был – как близкий, понятный свой двойник, сливались они в жгучей заботе спасти армию. Но прежде чем изложить ему своё трудно выговариваемое, слышал от него:

– Слишком много стали болтать «война до победы». А вот – как эту победу теперь взять?

Вот и опять: значит, не Россию спасать, а – Победу? Не новый урок, обычный раскол: твои союзники оказываются тебе и не союзники?

Но с Марковым и разногласия напитывали каким-то удовлетворением. Надеждой. Свой.

Развернулся к нему так:

– А – какие цели могут быть у нас в «войне до конца»? Этот чёртов Константинополь? Но взять его – это именно увеличить опасность следующей войны. С суши его легко против нас и штурмовать. Значит, надо присоединять ещё и широкую сухопутную полосу? И несколько миллионов турок? И – зачем это всё? Мы только ослабнем. Нам достаточно нейтрализации проливов. А свободный проход признан ещё в 1829 году. И в мирное время никогда не нарушался. А в военное нам Дарданеллы снаружи всё равно закупорят, кто захочет.

– Да не именно обязательно Константинополь.

– А без того – и тем более: что эта война нам сулит? Проиграть можем – Белоруссию, Прибалтику. А выиграть – что? Снова занять всю Польшу? – и тут же надо сделать её независимой. Вступя хоть и в Берлин – что взять? Восточную Пруссию? – да упаси нас Боже. Ну разве возвращать себе Галицию, исправлять, что напутал Александр I, и ещё до него?

Вон маршал Жоффр, обрадованный новому заокеанскому союзнику, отправился туда и очень советовал послать наконец побольше оружия плохо вооружённой русской армии, и та нанесёт свой мощный удар с Востока – да так понять, что хорошо бы вместе с японцами и китайцами.

– Вот что! – японцев и китайцев привезти на наш фронт. Наводнить ими Россию от Владивостока до Минска и кормить русским хлебом. Додумались.

Да разве чего-нибудь в мире жалко для победы Согласия? Во всяком случае – не России.

– Георгий Михалыч, когда говорят «до конца» – имеют в виду почётный мир. До конца – мы должны пройти весь путь с союзниками.

– А ясно глянуть – какие они нам союзники? Они всю жизнь были заняты только собой, мы для них – дикарская окраина, и в чём они изменились к нам от Крымской войны? Свечин говорил, один французский генерал признался ему: никогда бы Франция не выполняла таких самоубийственных обязательств, какие мы выполняли в августе Четырнадцатого. А всё лето Пятнадцатого, когда мы погибали, – они же не шевельнулись. «Мы захватили домик паромщика и один блиндаж». Мы были жертвенны к ним за пределами наших национальных возможностей. В Девятьсот Седьмом в Германии пробивался «русский курс» – а мы упустили, приковали себя к Англии. А они всю войну ещё брезговали, стыдились союза с нами. А мы – всё должны доказывать Согласию наше благородство.

– Честь. Ничего не поделаешь, честь России.

– Да при сегодняшнем балагане – какая уж осталась честь? Нам надо уже не союзников спасать, не войну, а – саму Россию, внутреннюю!

– Георгий Михалыч, ну что толковать о несбыточном? Конечно, мы легче бы перенесли революцию, если бы не было войны. Но она – есть, она-то и давит нас.

И все разговоры поворачивались в упор на Временное правительство: что ж оно думает? Марков ещё надеялся на него.

А Ольда пишет: жуть, правительство в ничтожестве, его просто нету. (Пишет обо всём петроградском, отречённо, без личного замысла, без попыток выяснять. Понимает, что ему сейчас – силы нужны. Спасибо.)

А тут – донёсся апрельский шквал из Петрограда, и правительство едва не перекувырнулось.

Так теперь-то – научились они чему-то? Хоть от этой встряски – очнутся?

– Новопоставленному, свежему правительству, свободному ото всех прежних обязательств, – вот ему бы, Сергей Леонидыч, и окончить войну! А то негодуют: как это нашлась рука, которая несла по Невскому «да здравствует Германия»? А как же они сами в Пятом году носили «да здравствует Япония»?

Да говорил – и сам не верил. Через э т о правительство – нет, не спасти.

Но сколько в штабе ни засиживайся, а надо же идти и домой.

Что ждёт сегодня?

Георгий эти дни сперва надеялся, что Алина взорвалась случайно, что всё будет заглаживаться, забываться… Нет! В комнатах флигелька сгущалось гневно-обиженное давление. Войдёшь, обед, случайные фразы, мелкая повседневность, может сегодня-то обойдётся? Алина как будто спокойна? – нет! Вдруг настораживались её глаза или она тревожно крутила головой, как лукаво введенная в опасность, находила болезненное место, где и близко его не было, и, убыстряясь на задыхание, выбрасывала что-нибудь острое. И как уклончиво ни ответь – начинался спор, да по ничтожному пустяку, так что через пять минут не вспомнить, из-за чего началось. И Алина, в другие часы приторможенная, воспринимающая как бы туманно, – в этих спорах мгновенно загоралась недоброй радостью и как заглатывала мужа, не он оказывался в доводах сильней: не было случая, чтоб она не нашла ответа, и ответ её был меткий, быстрый.

Да мог бы он возразить на одну, другую, третью её фразу, но против чего не мог возразить – против её страдания, – перенапряжённого душевного страдания – в голосе, в дыхании,

в сжатом лбу. Он видывал страдания раненых, умирающих, но то были – мужские, и не им вызваны, а это – он создал и вызвал сам.

Чудом было бы, если б это так просто зажило. Нет, так просто – между ними не может уладиться.

Сам же, первый, двинул лавину, – по легкомыслию? по простоте? по широте? по глупости? как мог? – непостижимо.

Но теперь – ему и платить.

А как ей не метаться? как не подозревать в нём двусмысленность? – если он и сам в себе её не решил.

Или – уже решил?

Оставить Алину? Невозможно. Как ни досадлива, как ни утомительна она бывает – а посмотришь в природнённые серые её глаза…

Бросить её – невозможно.

А возможно ли вот так: затоптать в себе? весь открывшийся жар?

В сорок лет?

Невыносимо.

Но и остаться с ней – в раздвоенности, в неполной искренности, в сокрытии – тоже не выходит, нет.

Эта тяга, тяга прочь. Будет влечь, калиться. И разве это укроешь?

А она, конечно, будет чувствовать. И биться, биться.

И вот так, всё время, в колоченьи жить?

Тоже невыносимо.

Решаться.

Сдвинул-то – он. Виноват – он.

Надо платить.

Кажется, решился.

И вчера, в субботу, сидели с Алиной к вечеру дома, и Георгий – да вполне честно с собой – убеждал жену: что он совсем вернулся к ней, вернулся навсегда, надёжно, – и пусть она успокоится, усветлится.

И она – усветлилась. Совсем мирно прошёл вечер.

Говорил честно, – а всё внутри тосковало: неужели вот так, и навсегда?

Чего он только не мог ей сказать – но должна ж она сама понять? – что прежнему его бездумному восхищению уже не вернуться. И прежней лёгкой радости не будет.

Уныло.

Теперь – тяжко будет.

Но другого выхода нет.

Зато он уверенно поднимет её из мрака.

96

По всему лотарёвскому имению подходил сев к концу благополучно, скоро останется только просо. Хотя весна поздняя, но прошли тёплые туманные дожди. Всходы замедленные, но дружные. Заботы на конном заводе: скинула Прихоть, а Баден пал, не выдержав операции, по-видимому воспаление брюшины; уже он был негоден как производитель, но жаль его. На питомник луговых трав профессор Алёхин прислал из Москвы студента-ботаника на месяц, а сам приедет позже. При возможных волнениях наёмных рабочих – жалел князь Вяземский, что так и не купил двух тракторов, а уже близко было, и тогда бы обойтись малым числом работников. От нынешней нехватки рук придётся сокращать высшие культуры и заменять более простыми. А если «снимут» пастухов – что делать с тонкорунными овцами?

Да все заботы по имению были обычные, бодрые, кроме вот этих нависающих волнений. Настроение крестьян – проходящими полосами, и каждое утро не знаешь, какого ждать сегодня. Где князь успевал побыть сам, как в Коробовке, – там лучше. В Дебри его так и не позвали. (Когда выгорели Дебри – отец подарил им кровельное железо и кирпич.) А в Падворках, передают, уже смакуют – «вся земля всему народу», с самыми абсурдными выводами, и даже были выкрики к погрому имения. И в Ольшанке настроение, в общем, отвратительное.

С крестьянами мы никогда не говорим с тою свободой, как в своём кругу. А вот – теперь надо с усилием искать правильный тон.

Князь Борис усвоил такую манеру: на недоброжелательные или глухо-угрозные замечания отвечать спокойным тоном, шуткой, улыбкой, хотя на сердце – мрак и разрывание. И этот спокойный тон ставит крестьян в тупик, невольно думают: на чём-то же его спокойствие основано? а может, это мы в своей свободе что-то промахиваемся?

Их настроение перемежается полосами – и вот пошла полоса потрав. И Падворки, но и Коробовка стали пасти по нашим парáм, по нашим лугам, и вообще повсюду, где мы пасём. На потравы посылают мальчишек и баб. Их сгонят – мужики опять их посылают. Делай что хочешь. Теперь не оштрафуешь. А бабы стали красть хворост из парка, даже из сада.

Ощущение зыбкости и ненадёжности земли под ногами. Кругом – стихия, а своих никого. И в этой стихии спокойствие и бури одинаково загадочны и не поддаются предугаданиям. Где правда: в этих потравах – или как качали князя недавно при красных флагах? Что за непробиваемое, неуловимое народное дремучее лицемерие?

Отпокон они дворянам не верят, и вряд ли тут что поделать. Рассказывал покойный отец: отчего возникли поволжские холерные безпорядки в конце 80-х годов? Вдруг разошёлся слух, и все сразу поверили: крестьян расплодилось так много – помещики, чтоб не делиться барской землёй, решили народу поубавить. А как? – войну бы завести, так Расеи побаиваются, никто нас не задевает. И вот помещики стали нанимать докторов и студентов, чтоб они травили народ: клали бы отраву в колодцы и называли бы это холерой. (И кинулись – рвать докторов.)

Банальная фраза: «Народ – это сфинкс». Надо добавить: дикий сфинкс, невежественный, с детской жестокостью – и не верящий ни своим же избранным, ни тем, кто знает больше, ни даже самому себе – но легко верящий любому встречному ветрогону.

В Падворках один сказал: «Как хотите, ваше сиятельство, но мы теперь за Ленина, и не отступим от него ни на шаг».

И это – от одиночных пока дезертиров. Да от газетных клочков. А что будет, когда вернутся домой *все* войска?

Их советская газетка так и пишет, почитал в Усмани: «Триста лет Романовы дарили земли своим приспешникам. И все годы крестьянский пот орошал эти земли. Пришло время народу получить обратно своё достояние. В тот час, когда пал венец с головы последнего Романова –

раздался похоронный звон над всем российским поместным дворянством. Ему не место в свободной России! Вся земля – народу».

И это ведь доступно прочесть любому грамотному крестьянину или солдату.

Похоронный звон!..

Да, кажется, он уже слышался. Хотя вокруг Лотарёва всё ещё сохранялся оазис тишины. Как и во всякой буре бывает.

И с каким же сердцем вести хозяйство?

Ещё до осени – может быть, как-нибудь дотянуть. А осень? – самый яркий период в хозяйстве, это сплотнённый весь будущий год, время проектов и планов… Склонялись с Лили: на эту осень – уедем совсем! Какие теперь можно строить планы на будущий год?

Ещё недавно было трудно расстаться с Лотарёвым на неделю – а сейчас омертвело как-то.

Заколебалась земля под хозяйством – но не твёрже и в земстве. В земское собрание намешали никем не выбранных «демократических элементов», просто хамов и черни, и совершенно несведущих ни в каком деле. Хотя, по распоряжению князя Львова, новый расширенный состав не имеет права смещать старые земские управы – но во многих уездах уже смахнули, так, видно, будет и в Усмани. А кончится земство – кончится и роль уездного предводителя. Уже и сейчас – что приносит она? Вот – уездное попечительство о семьях призванных. Новые волостные комитеты не справляются присылать сведения, и целые волости остаются без пайков солдаткам, – а всё валят на уезд и на князя Вяземского, само имя его становится ненавистным. (Уже и без того ненавистное за решительное проведение набора в уезде в прошлом году.)

Да общественная деятельность никогда и не восторгала князя Бориса, хотя он умел и вкусно сказать речь, и сорвать аплодисменты, примирить непримиримых, и проходили его резолюции. Но раньше через такую деятельность протягивалась цепь общеполезных понятных дел, каждое со следующим связано. А теперь – только болтовня да резолюции.

Тревожились, как доедут с гробом наши. Они добыли вагон, но не обратный, – потом из Грязей уезжать как придётся. Разумно отказались привозить детей. Но в Грязях всё возможно, во что превратилась такая привычная, почти домашняя станция? проезжие солдаты недавно убили священника, то избили начальника станции. Что за зверство, что за лихолетье?

А в склепе место для гроба Дмитрия пришлось приготовить в стене: уже тесно, и не трогать же наших дедов и тёток. Надо будет склеп расширить.

С гробом приехала Мама́, вдова Ася, сестра её Мая, Дилька без младенца (оставила с кормилицей) и без мужа, он всё по Красному Кресту гоняет (и может быть, наиболее разумное место сегодня, вот лишишься уездного предводительства, разорят Лотарёво – и что ж, в окопы?). Адишка – на фронте, а Софи в Царском Селе, собрала детей ото всех трёх ветвей. (Борис с Лили ещё не теряли надежды, что родятся и у них.)

Встречали их на станции несколькими парами. Запаянный цинковый гроб повезли прямо в Коробовку и поставили в церкви незадолго до вечерни, как раз воскресенье. И – все поехали к вечерне. Ночью над Дмитрием будут псалтырь читать, завтра утром ещё панихида.

У сельской вечерни обычно не бывает много народу, больше бабы, по левой стороне. Но в этот раз – привлечённые привозом гроба? из любопытства? – пришли гуще, и в правую мужичью сторону тоже.

Вяземские, как всегда, стояли впереди, но стали замечать, что что-то шумно в церкви, за их спинами. Любую службу, сколько б она ни длилась, коробовские крестьяне всегда выстаивали каменно, а что же тут? Входили, выходили, разговаривали. Оборачиваясь, заметили как будто посторонних?

Вечерня кончилась уже в сумерках. Сразу за папертью к князю Борису подошёл незнакомый высокий матрос в безкозырке и, не представляясь и никак не обращаясь, где уж там сиятельство, спросил нахальным тоном:

– А где вы думаете хоронить вашего брата?

Как всегда с усилием принуждая себя к верному тону, не давая себе возмутиться, Борис ответил:

– В нашем склепе, под церковью.

– *Вашего,* – выпалил матрос, – теперь ничего нет, запомните! Если вы только попробуете – мы всех ваших покойников оттуда повыкидываем!

Матрос этот был – явно не коробовский. А рядом – подошли, слушали, но уже было темно – не разобрать, ни чьи они, ни выражений лиц, как они к этому матросу? Но – и никто ж ему не возразил.

В своём многолетнем гнезде, у паперти отцовской церкви – и какая опора?

Ответил, стараясь твёрдо:

– Поступлю, как сочту нужным.

Родные уже садились в экипажи, не слышали. И к ним присоединяясь – Борис ничего не сказал при матери, думал.

По складу своего практического ума он думал не над этой символической насмешкой, что умер Дмитрий как бы за революцию – и революция же вышвыривала его из могилы. Но: как же правильно поступить? Сдаться? – позорно – но и благоразумно. Настаивать? – тактически верно, но и опасно.

А для Мама́ эта угроза была бы ещё больней. При ней – не сказал. Она поднялась к себе – и Борис собрал молодых на первом этаже, в малой гостиной.

Вот какой получился семейный совет: четыре женщины, он один мужчина. Как бы они ни голосовали – а тяжесть решенья на нём. После ранней смерти отца, с 25 лет он и стал главой рода. Всех умел сдерживать и образумлять.

Итак: либо настаивать – и завтра хоронить. Либо – уступить, и тогда везти гроб назад в Петербург, и хоронить, очевидно, – это он тоже уже додумал: в левашовском склепе в Александро-Невской лавре.

Хотя – обратного вагона нет, ещё сколько намучиться с гробом.

Вдова была в угнетённом рассеяньи. Так ли, этак, – никто не вернёт Асе мужа.

Мая – тем более в стороне.

Но – всех опережая и отметая всякие возможные возражения – буйноголовая, рыжеволосая, зеленоглазая Дилька просто взорвалась от негодования: как?? да что за наглость? не уступать ни в коем случае!

Бешеный пыл её не умерился и от рождения четырёх детей. И мужество отчаянной конской скачки, любого физического подвига, и абсолютная независимость взглядов всё так же жили в ней, в её львином голосе:

– Да кто мы? – и кто они? Кто построил им всю эту церковь? Да что бы сказал отец? Да как мы будем на себя смотреть, если уступим? И ведь Митя даже просил именно тут похорониться!

Выглядела неукротимо.

– Нельзя им показать, что боишься! Да и не посмеют они скандалить в церкви.

А Лиля, с тонко писанным лицом, нервно покачивала переплетенными тонкими пальцами и возражала ласково:

– Диля! Тебе легко говорить: ты через три дня и уедешь. А нам тут – оставаться и жить. И справляться со всеми последствиями.

Она не любила Дильку за взбалмошность, за оголтелую резкость.

Борис колебался как никогда. Да, он будет презирать себя за уступчивость, оказавшуюся ненужной. И ляжет пятно на всю историю рода: тело мёртвого героя трусливо увезли от похорон. Но и – рисковать крестьянским взрывом, когда всё еле-еле держится? Еле-еле найден тон в этой небывалой обстановке – и сорваться?

Возникло это случайно? – просто нет ничего *вашего*? Или особая ненависть к Дмитрию?

В Пятом году здесь, вокруг Лотарёва, было тихо, – а в другом имении, в Аркадаке, волновались. А Дмитрий как раз был там, и с коня помогал усмирительному отряду давить беспорядки. А из Аркадака сюда всё быстро переносится, да коней же возят.

Наверно, помнят.

Конечно помнят.

– Но отец построил им церковь, больницу, школу! но из уваженья к отцу? Они не посмеют!

Борис скептически усмехнулся:

– Дед Пахом сказал мне так: довольны мы покойным князем премного, а благодарны – за что бы? Ведь он же не для нас делал, а для спасенья своей души.

А сегодня – в окрестностях бродят агитаторы, подбивают крестьян захватывать землю. Только дай толчок – и начнётся погром.

Все говорили как будто тихо, одна Дилька громко, – но Мама́ услышала, и пришла со второго этажа – высокая, спокойная. От смерти Дмитрия она не согнулась, да это было и в характере её: всегда прежде всего организованность и пунктуальность.

Стыдно стало, что обсуждали без неё. Открыли.

Бешеный темперамент Лидии, да и Мити, – был не её, хотя возмущаться она умела страстно. Методичностью, прагматичностью (сказывалась бабушка Тизенгаузен?) она ближе была к Борису.

Но и – твёрдостью.

Молодые теперь молчали, она обвела их глазами гордо:

– Князья Вяземские – не мелкие воришки. Это – наш родовой склеп.

И положила спору конец.

Ася высказала плачебным голосом:

– А что если попросить отца Леонида прочесть на похоронах приказ Радко-Дмитриева про Митю?

Хорошая мысль! Хорошая.

Документы – 16

Опубликовано 23 апреля
КО ВСЕМ КРЕСТЬЯНАМ

…Сторонники свергнутого царя говорят, будто революция оставила страну без хлеба. Они клевещут, будто крестьяне не везут хлеб в города потому, что они против свободы. Крестьяне! Если хотите сохранить свободу, навеки свергнуть иго земских начальников, стражников, помещиков – спасайте революцию! Без свободы не будет и земли! Везите же немедленно как можно больше хлеба к мельницам и пристаням. Каждый куль хлеба – это сейчас прочный камень в основание здания новой России.
Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов

97

Нонешнюю Пасху, первую за много лет, – не провёл Ковынёв у себя в станице: затурсучился в Питере с общеказачьим съездом, а тут уже подоспевало ехать на донской, а заехать прежде к себе в Глазуны – так при сегодняшнем перелихом разливе и до Новочеркасска потом не доберёшься.

Петроградский казачий съезд принёс ту горечь, что казаки – не оказались едины, кто бы мог ждать такое? После жарких схваток в столичном зале, когда, как на майдане, все когакали и широпёрились («допустить иногородних!» – «мужика пожалковал? целуйся с ним сам!»), часть казаков-фронтовиков, которых так зазывали, тоже окликнулись, откололись от съезда, назвали себя «партией трудового казачества». Без них наконец решили: все земли, леса, воды и недра есть неотъемлемая собственность каждого казачьего войска, и оно – полный хозяин своих земель. А вторая болячка: разорительный порядок казачьей службы – поголовная справа со своим конём, своим снаряжением и обмундированием, но и не во время ж войны менять? – а просить теперь же у Временного правительства казённой помощи на непосильные казачьи тяготы. Но порадовал съезд резолюцией о братстве между казачьими офицерами и рядовыми казаками: отныне нет между нами начальников, а только старшие и младшие братья! А потом был Ковынёв в делегации от съезда в Мариинский дворец, – принимал Гучков, и упросили его не разгонять штаб походного атамана при Ставке, он же обещающе призывал казаков – помочь построить и всю Россию на старых казацких выборных началах.

Это – справно! Это – по-нашему! Да давно бы так!

По пути на юг заезжал к брату Александру в брянское лесничество. Что он жаловался в письмах раньше на всю военную разруху и недостачи в заготовке дров, в лесопильном заводе, в провианте, – теперь уже мелким казалось перед развалом этих месяцев, когда рабочие и даже пленные стали дыбиться. Исхудал, забегался, какой-то рок над ним, несчастным.

Но и на станциях, на разных пересадках, вот в Грязях, навидался Ковынёв странных этих картин: на станционных платформах под солнышком – сидят и даже лежат, десятками, кучками, и видно, что часами многими, – солдаты, мужики, бабы. И все – грызут семячки, уже обсыпано шелухой вокруг каждого, а несколько о чём-нибудь спорят. Груды людей здоровых, рабочих, изнывают от безделья, жаркой истомы, скуки, безнадёжного ожидания чего-то неведомого. И споры – самые изнурительные, пустые, досадливые, никуда не ведущие, а мысли низкие, как-нибудь поддеть и уязвить соседа. То рассуждают: взять бы землю не штука, да как потом промеж себя не перерезаться? То – паровозный кочегар и шахтёр доказывают, что бросили бы дело своё и кинулись бы на землю, а им: а у вас *приложение* к земле есть? А лошадей? Так пусть кажному казна подарит. А лошадь тоже требует, чтобы вокруг неё походатайствовали. А кто на твоём паровозе останется, если все покидают? – И так часами. И никто не понимает: зачем он вот сидит в незнакомом месте, без дела, без смысла, без радости, неумытый и одуревший? Как будто свобода открылась и посулы большие, а утехи мало во всём том.

Столько десятилетий в великом безмолвии страны было нечто значительное, сосредоточенность страдания и мысли. А как заговорила… – ах, лучше б ты не говорила! – словами потёртыми, пошлыми, занятыми из листовок.

Вот такой очерк – да послать в «Русские ведомости»? – ведь не напечатают? И про великую молчальницу, и лучше б ты не говорила?.. Ох, это надо смягчать, о Свободе – надо весьма осторожно выражаться, она очень обидчивая, чувствительней царя.

И в газетах же жалуются: отчего теперь не слышно набатного голоса наших писателей? Сейчас так хочется верить, носить в сердце не жгучую боль, а надежду, – кто бы нас подбодрил, кто бы указал?

А – сунься, напиши.

Да сейчас не миновать посылать и очерк о новочеркасском донском съезде. А что там увидим?

По Крещенскому спуску поднялся к Собору на извозчике – да тут же наискось и остановился в «Золотом якоре», окно досталось – на Соборную площадь с Ермаком.

Ещё два дня оставалось до съезда – но уже многие приехали, все ходили к знакомым, встречались в гостиницах, перебраживали и группками стягивались на бульварах Платовского, Ермаковского проспектов и в Александровском саду. Не узнать патриархального Новочеркасска – весь март пробурлил, и в апреле не стало разреженней, – митинги, красные флаги. Засели иногородние в атаманском дворце и в областном правлении, захватили и «Донские ведомости». Очнулись казаки неповоротливыми и беззащитными на собственном своём Дону.

Зык пошёл по народу.

Но всё изменилось со средины марта, как учредился Донской союз и устоял перед всеми угрозами. Прокудник Голубов пришёл на заседание Союза в правление станицы у Троицкой церкви, как раз в день Благовещения, и стал громить: «Помните, граждане, если не разойдётесь и не прекратите ваше контрреволюционное сборище – разгоним! Не забывайте, что у нас – 16 тысяч штыков!» А Бояринов ответил: «Хорошо, кликнем и мы по станицам, сколько у нас шашек!» И выгнали есаула Голубова, он убежал, грозя кулаками. Тут же они устроили в устрашение парад расхлябанного гарнизона – так здешние казачьи сотни вышли на парад тайком с боевыми патронами. Союз – устоял, и все теперь знали, что есть у казачества защита, присылали ходоков из станиц, слали приветствия и с фронта. Устоял и потому, что комитетом насаженный атаман Волошинов с оглядкой и тихо, а стал тоже опираться на Союз. И Союз открыто готовил выборы в Войсковой Круг к маю и готовил проекты решений для апрельского съезда. Скинуть солдатский сапог! взять управление Доном в свои руки! Д о н д л я к а з а к о в! К Донскому союзу примкнуло и общество донских учителей, и союз учащихся средних школ, и общество чиновников. Стали издавать свой «Вестник» и «Казачью почту». Нет, нас голыми руками не сварначишь!

Областной исполнительный комитет попытался созвать навстречу казачьему съезду свой съезд от городов, округов и крестьян – но не вышло у них, потому что не были они никак сроднены с населением области. И тогда они метнулись на агитацию: стали искать и раскапывать на окраинах Новочеркасска могилы повешенных в 1905–06 годах по приговорам военно-окружного суда, и возбуждённая толпа кинулась бить помощника полицмейстера. Про Донской союз кричали и печатали, что он коварно прикрывается прогрессивными лозунгами, а нельзя вверить ему судьбу казачества. А из Ростова подпевал им «Азовский край», что Союз запугивает станичников, а в гостинице «Золотой Якорь» – «гнездо черносотенной агитации». (Влип Фёдор Дмитриевич…)

А приехавший из Петрограда эмиссар Временного правительства ругал петроградский казачий съезд за его решения о войсковых землях: это – сумбур, и какие такие особенные военные тяготы несут донцы: вот их 2 миллиона, а ставят 50 тысяч войска, могли бы и в пять раз больше! И успокаивал иногородних, что они – прямые наследники помещичьих земель в области, а Войску придётся поступиться частью и войсковых. И кое-где стали возникать комитеты иногородних и накладывать руку на инвентарь и землю не одних помещиков-казаков, но уже требовали и казачьих юртовых земель! А где посягнули рубить и войсковой лес! Начались самовольные запашки. Солдатские делегаты, обнаглев, ехали распоряжаться в Манычско-Сальских степях, а в гирлах Дона их азовский гарнизон (где вы были, когда мы держали Азов против турок?!) снял рыболовную охрану («комиссаром рыбных ловель» теперь стал адвокат) – и начали истреблять рыбу.

Ползут по станицам, тревожат эти слухи: что будут землю поровну делить с иногородними.

А – не хочет смириться неслухменное казачье сердце! А – не дадим своего казачьего уклада! И как управлялись мы ещё до Петра, – не расстрянемся с нашей старинной казачьей свободой! У нас, казаков, – всё своё, особенное! И нашу жизню могут вырешать даже не городские казаки, а – станичники, вышедшие от земли, выросшие на коне. А другие – никто наших нужд не разумеют. И Временному правительству мы повинуемся – лишь пока оно не против казаков! Не, наше казачье чутьё верх возьмёт!

А – и должно ж от революции казакам полегчать, а то же – как?..

Так толковали между собой перед съездом, и Ковынёв вместе с истыми казаками – чувствовал так же.

Но мало показалось врагам травить иногородних на казаков – ещё и казаков посунулись расколоть. И Голубов выкинул такое: «Нет единого казачества! есть казаки трудовые, а есть нетрудовые». А за ним повторял и казак-социалист Агеев.

Во-он куда! Ай, бритва остра, да никому не сестра.

И – кто же тогда Ковынёв? Он был тут – из самых заслуженных и давних революционеров. За Выборгское воззвание сидел в тюрьме. За революционную деятельность высылался прочь из войска Донского. С Пешехоновым начинал народно-социалистическую партию. Сколько очерков писал, хоть сдержанных, но против правительства, против правых, против всех порядков старого режима. В своих дневниках, чередуя с видами знойной степи, свинцовой Невы, вагонными встречами, пожаром на гумнах, и как ласкал у красоток мякитишки, и страшными картинами Турецкого фронта, искалеченная дорога на озеро Ван, и солдаты по 8 суток в горах без еды, – сколько места раздвигал и описывал обильно: казака ли, пострадавшего за бунт, или питерского извозчика, в ком обнаружил бывшего городового со всеми его тёмными полицейскими рассказами. А по-нынешнему: если сам он почти не на земле, а сестра Маша бьётся с хозяйством, нанимая когда троих, а когда до семерых работников, – так значит, Фёдор Ковынёв – «нетрудовой казак»? Это – что? Переехав на юг, он не только становился, значит, больше донцом, чем русским, но ещё: из либерала – реакционером? С первого дня съезда, где он был не то чтобы видной фигурой, но заметной, в либеральных газетах и пригладили: небольшая группа умеренных станичников, руководимая народным социалистом, известным русским писателем (фамилию его не назвали), не только оказалась отсталой по своим лозунгам, но награждается кличками: «охранники», «опричники», «приверженцы старого режима».

Так это теперь Ергаков, рассчитанный Машею за недобросовесть и уже качавший кулаком у носа станичного заседателя, – разве остановится разгромить ковынёвское хозяйство?

О-го.

А ведь бродило в казачьей молоди последние годы, уже порченые появились… Выпивка да карты, те выписывают по улице кренделя ногами, а тот и за матерью с ножом гулял. Хулиганы изменили в священной казачьей клятве слова на пакость – и распевают вслух. А в глазуновское правление трижды подкидывали письма, что запалят станицу с трёх сторон.

А что, и запалят.

Этой весной напомнила Дону гнев свой и природа – размахнулась на революционный манер. После многоснежной зимы снег ссунулся разом и начался такой разлив, какого сам Ковынёв не помнил в жизни, а старики называли дальний год. Неузнаваемо вздыбился какой-нибудь Бобёр, не говоря о Донце и Хопре, а Медведица – всегда тихая, с песчаными отмелями, осыхающая летом до того, что ребятишки с удочками, засучив штаны, перебраживают с косы на косу, – взбушевалась, кинулась взломной водой, свалила железнодорожный мост, затопила луга, сады, левады, прибрежные хутора и станицы с амбарами и гумнами, валяла избы, плетни, прясла, снесла сотни десятин лесу, прорывала мельничные плотины, выворачивала ямы, портила дороги, топила гурты скота. А что же – сам Дон? По левому берегу разливался до 15 вёрст. Сколько казачьих хозяйств разорено! Нижнечирская вся затоплена, кое-где вода выше крыш, Старочеркасская спасалась лодками вместе с ревущим скотом на последнюю возвышенность,

застигнутые плыли свиньи и куры по воде. Из Константиновской уплывали целые дома, слали туда баржи на выручку. У Цымлянской сорвало шлюзы, льдинами снесло телеграф на две версты, Елизаветинская полуразрушена. У Временного правительства запросил Областной комитет – только первой помощи миллиард.

(Сливаются образы наводнения и революции. И, как наводнение, сколько же обломков и мусора нанесёт, сколько оставит ям развороченных. Использовать в очерке.)

В канун казачьего съезда, в ту субботу, неделю назад, и на сам Новочеркасск налетел шторм небывалый, ломало деревья, а с аксайской стороны и по вздутой Тузловке прибивало к новочеркасской горе обломки построек, сараи, будки.

А Зинуша, по уговору, должна была приехать – вот в эту будущую неделю, после съезда, чтобы вместе ехать в Глазуновскую. Дал телеграмму ей в Тамбов: проехать нигде нельзя, телеграфирую после спада воды.

Да одна ли вода? Сколько тут взбухло и распирало – уже и Зинуша не помещалась. Переждать.

Необыкновенные донские дни весны Семнадцатого года! – и на них бы тоже растянулся донской роман, включить бы тоже и их? Да – кому теперь беллетристика? Теперь нужен поворотливый репортаж о событиях, вот и о съезде. И даже на него времени и головы нет.

Как ни старался Донской союз собрать чисто казачий съезд – не вышло. Съехалось большинство – не станичники, а только казаки по рождению. (Да как и Ковынёв…) Лезли всё «общественники» – тот, мол, каторгу отбывал, тот – социал-демократ, тот – эсер. Что ж станичники? – они ошеломлены революцией и вперёд не лезут, вместо них вот эти ораки. Но Ковынёву, который и вправду на плацдарме общественной службы уже 10 лет, видно, что *эти* – всё новые, или вчерашние мазурики, или несомненные босяки, даже хамы озорные, хотя все – «на пользу трудящихся». А фронтовые казаки – совсем мало приехали, или не спроворились их вызвать. Да приедь они во множестве, так, по петроградскому съезду, ещё и не знаешь, куда повернут: они уже много переняли от солдатского разгула.

И ещё съезд не начался, ещё только на вокзале встречали делегатов, челомкались, – развязалась суперéча: «общественники» потребовали отказать в местах на съезде: донскому дворянству, Войсковому штабу и всем другим штабным (самым создателям Донского союза!), окружным атаманам и представителям окружных управлений, – мол, они служили старому режиму! И от офицерского союза, от сословных групп не приймать: черносотенцы, долой! С этого и заколыхалась съездовская борьба в прошлое воскресенье, и что ж? – взяли на горло и на голосование, и чисто казачью группу, заслуженных старых казаков, – не допустили!

Об этом – уж непременно Фёдор Дмитрич напишет в «Русские ведомости», не стерпит. *Кого бы сковырнуть*? (скутляшить, по-донскому) – это модный мотив момента, в Петрограде вон каких сковырнули – а мы хуже? да если артельно, кучей навалимся! (А тем временем солдатская саранча, затуманенная раздаваемыми *протолмациями*, двинулась и в глухие углы Дона – «сковыривать» и там.)

Открылся съезд в зимнем театре, 800 человек, сидели в партере вперемежку военные, судейские, учительские, инженерные тужурки, пиджаки, сюртуки, а то и бобриковые дипломаты, казачьи суконные чекмени, бородачи в повитухах, а уж обычная новочеркасская публика – на галёрке. И сосед Фёдора Дмитриевича, по виду приличный среброусый старичок, кивнул ему на архиерея в губернаторской ложе: «Не уедем отсюда, пока и архиерея не сковырнём!»

Вослед баламутица тут же, в первый день: Волошинов, понадеясь на казачий съезд, своей атаманской властью отменил оголтелый приказ Военного отдела, что казакам вне строя отменяется отдавать честь офицерам. Смутьянский Военный отдел загорелся и постановил оказать Волошинову недоверие. Без съезда, может быть, сковырнули бы и его. Но тут съезд встал за атамана: казацкая честь – неотменима! не свелим такого!

Так и закачался съезд: то в ту сторону, то в эту. И сегодня качался – уже восьмой день, к концу. Из Петрограда направлять съезд приехал член 4-й Думы Воронков – и уж держался вдесятеро авантажней перводумца Ковынёва, всё время на сцене: «Меня пугало предположение, что ваш съезд не выполнит надежд. Но теперь я спокоен. Казак-республиканец скажет своё решающее слово». В тон выступал и Волошинов: «Нас продавали, нас предавали, над нами издевались. И мы дожили, что терпенье народное лопнуло. Я стою за демократическую республику – и иного правления быть не может».

Да уж Ковынёв ли не за демократическую республику! Да только что-то она у нас выворотная вытрюхивается.

Была борьба между северными и южными округами при выборах президиума. Председателем победил директор каменского реального училища Митрофан Богаевский (он и петроградского съезда уже был председатель), – ничего не скажешь, златоуст, *донской Баян*. (А Ковынёв – даже и кандидатурой в президиум не прозвучал, не вспомнили. Другое поколение – другие песни, что ж)

Из первых дел: разыменовали станицы Таубеевскую и Граббовскую (атаманы Таубе и Граббе), стряхнуть безтактные царские нашлёпки, вернули казачьи названия.

Но по нынешнему времени в одни казачьи вопросы тоже не упрёшься. А что – ко Временному правительству? (От военного министра приехал с приветствием генерал Хагандоков, и внагон ему телеграмма от Гучкова.) Вот такой постанов: полное доверие. Тут выскочили Голубов с ватагой: доверие «постольку-поскольку». Ему: нет!! – не допускать давления на правительство и защищать от всякого ограничения власти. А после апрельской сумятицы в Петрограде – ещё раз доверие правительству, мы подчиняемся ему одному, и казаки всегда будут верны присяге! А петроградский Совет рабочих депутатов пусть опубликует фамилии своих неведомых членов да прекратит агитацию ленинцев, вредную для революции.

А – война? Вся округа в один голос: недопустимо ломать армию во время войны! Армия должна иметь железную дисциплину, и пусть не вмешиваются никакие общественные организации! Победа – во что бы то ни стало! (И ещё добавляли голоса: на́до-бедно – и с нексиями, и контрибуциями!)

В этих же днях из Екатеринодара отозвалась и войсковая рада кубанцев: не допустить противодействия Временному правительству! Пусть петроградский Совет ясней определит своё отношение к нему и к войне! Не допустить разгрома России! Не останавливаться ни перед какими жертвами до победного конца!

Толклись на съезде донском, что надо искать новые формы управления. Нужны – новые, а какие – на просвет никому не ясно. Земское – да (но и казачье самоуправление – ещё отдельно). Демократическая республика… – а с национальностями как? – единая и *неделимая*, вот порешил съезд. А национальностям – самоопределение.

Что такое «самоопределение» почти никто и не понимал. Вот установим Дон по-своему, по-донскому – и будет самоопределение.

В чьей-то голове толклось, конечно: что нужна бы Донская Финляндия. Что нам, донцам, до судеб Российской Империи: хоть там царь али Временное правительство, кадеты или социал-демократы?

А Фёдор Дмитриевич и по сегодня хранил карточку дружка Филиппа Миронова: «За автономию донских казаков лягут наши головы!» Но сам – давно уже не был уверен, класть ли голову за то? Вот с таким Голубовым и его шантрапой – будет ли наш Дон краше?

А земля? Земля!! Вся донская земля – достояние казачества, добыта кровью предков, и много раз оплачена тяготами казачьей службы. И все недра земли, вся соль в озёрах, и леса, и промысловые рыбные ловли – Войску! И земли государственные, удельные, монастырские, церковные – Войску! Однако вот безпокой: жили у нас пришлые на Дону, кацапы и хохлы, как у Христа за пазухой, плодились, хлебопашествовали, наполняли степи, гоняли быков, скупали

овец, рыбу, – а вот уже их наросло больше, чем нас, казаков, – и им тоже землю? Другое б какое время и место – отпожаловали б им иначе, но после революции слишком круто не погуторишь. А вот что: помещичьи земли, они бывшие казачьи, да раздарены царями, – выкупить на средства государства и раздавать по соглашению: и казакам (какие удобны казачеству – в первую очередь ему), ну и крестьянам. И надельные крестьянские за ними – чего им ещё?

И не будь в Ковынёве казачье сердце – возмутился бы: эй, слишком много тянете, станичники! А на казачий погляд – так вроде и справедливо.

А – казачья служба? А – нет больше силов вытягивать нам такую! Теперь – свобода пришла! Теперь – отменить поголовную казачью повинность, а – наравне со всеми в России. (Но – только в кавалерии! и только под командой казачьих офицеров!) И снаряжение казаков – за счёт казны. И при выходе казака на службу – платить пособию. (А налоги – не нам бы платить, а с тех, кто побогаче.)

Теперь – по всему Войску выбирать Круг! И каза́чкам нашим – выбирать с двадцати лет, как и казакам, наши бабы того стоют! А Кругу собраться – в маю́, на неделе по Троице, – и за 200 лет снова выберет Атамана донское народоправство! Волошинов – так и будет временным атаманом до Круга, и Областному комитету и Военному отделу – ему подчиняться. А от казачьего населения оставим и свой Исполнительный комитет – и он за всеми делами до Войскового Круга последит.

Пошёл гуто́р весёлый! Распрямился от первого ошелома Старый Дон!

– Нет, брешут вашего отца дети! Море вброд перебредём, а не поддадимся!

– Прикоро́т вам даём! Стерягись!

98

(Фрагменты народоправства – тыловые гарнизоны)

* * *

После той стычки с солдатской толпой в Кишинёве оттуда полетели телеграммы в Петроград с жалобами на контрреволюционный отряд есаула Шкуро, вот-вот началась бы у него война с комитетчиками, да и опасно было держать казаков в этом разложении. И Шкуро занял силой кишинёвский вокзал, добыл поездной состав и двинул свой отряд на Кубань. Ехали властно, как экстренный поезд.

Только в Харцизске 18 апреля попали в митинговавшую толпу – у них почему-то 1 мая, тысяч пятнадцать их, красные, чёрные и жёлто-голубые флаги. Едва состав остановился – рабочие потребовали: что за люди? почему без красных флагов? – выдать командный состав на суд пролетариата. Вахмистр Назаренко вскочил на пулемётную площадку и закричал толпе:

– Вы боретесь за свободу? Какая ж к чёрту это свобода, если мы не хотим носить ваших красных тряпок, а вы принуждаете? Мы казаки – давно и без вас свободны!

– Бей их! – заревела толпа.

– К пулемётам! – скомандовал своим Назаренко. Они и тут.

Однако стрелять не пришлось. С ужасом толпа бросилась врассыпную, теряя и флаги.

* * *

Спешность тучковского приказа о мгновенной отмене морских погонов вызвала в Севастополе 17 апреля переполох: надо было успеть за сутки, к Первомайской демонстрации. На Екатерининской улице и на Нахимовском проспекте матросские группы останавливали проходящих офицеров и красной краской перечёркивали им погоны и замазывали кокарды. Волнение передалось и в сухопутные части, которых приказ министра не касался. В крепость вбежал прапорщик Юргенс и перед ополченцами 455-й дружины сорвал с себя погоны и стал топтать их ногами, кричал о последнем символе власти Романовых. Его примеру стали следовать и солдаты – срывали с себя и швыряли погоны: «Долой двинастию!» Тут подскочила одна солдатская баба, за ней другие свободные гражданки, присели на глазах у всех и стали на эти погоны мочиться.

А в нестроевых ротах крепостной артиллерии солдаты стали срывать погоны со своих унтер-офицеров, это перекинулось и в другие части. На улицах стали ножницами срезать все погоны подряд, и тысячи их теперь валялись повсюду. В 5-м Черноморском полку солдаты гонялись за дежурным офицером, едва не разорвали его. По крепости в спешке был отдан приказ: всем сухопутным офицерам – снять погоны.

А через сутки в Севастополь пришла грозная телеграмма Гучкова, что местное начальство превысило свои права и осмелилось «снимать погоны с доблестных офицеров». И офицеры снова стали надевать. Вот на улице матрос спрашивает военного в кителе без погонов, но с кокардой и шашкой: «Вы офицер? А тогда почему позволяете себе ходить без погонов?»

* * *

Тем временем в Севастополе праздновали «1 мая». На Куликово поле приходили шествия, строились густыми квадратами. К ним подъезжали говорить речи то с лошадей (Верховский с белого коня), то с грузовиков. Вот подъехал, стоя в легковом автомобиле, какой-то высокий еврей с небольшой головой на длинной шее, энергично вертя ею. Он, видно, уже много и ожесточённо говорил сегодня. Сильно картавя, кричал:

– Товарищи! Раньше ненавистное царское правительство заставляло вас праздновать разные там церковные праздники, гнало в церковь, держало вас в темноте. А теперь вы себе имеете настоящий пролетарский праздник трудящихся, а не каких-то там святых!

Но не угадал настроения толпы. Крикнули, что он хулит веру, поднялся страшный шум, толпа кинулась на автомобиль. Ещё момент – его бы разорвали. Но шофёр успел дать быстрый задний ход и спас оратора.

(Из «Архива Русской Революции», т. 13, 92)

* * *

В запасных гарнизонах солдаты радуются митингам: не то что послушать или покричать, а – занятий не будет.

В 4-й тяжёлый артиллерийский дивизион в Твери приехал агитатор из Петрограда, поднялся на ящик между бараками. Одет был по-солдатски, а на рукаве шинели – повязка красной бязи, на ней белыми буквами в два ряда: Сов. Раб. – Солд. Деп. Произнёс речь, как требовалось, что надо победить врага. Потом сдёрнул повязку и заявил, что а теперь выступит как член партии социал-демократов большевиков. И в этом втором выступлении распушил всё то, что утверждал в своём первом: потребовал немедленного мира без аннексий и контрибуций, уничтожения капитализма, всякой частной собственности и немедленного перехода к социализму.

Слушатели были настолько ошарашены, что и совсем не потрепали ему ладошками.

* * *

В петроградском гарнизоне солдаты из местных знают добычные места. За первые недели революции кой-кто награбил себе, вдруг достанет золотой портсигар с бриллиантовым вензелем. В казармах – игра в карты на деньги, приходят и девицы.

* * *

В гатчинских дворцовых прудах обитали карпы, носившие кольца с датами XVIII столетия, приученные по звону колокольчика всплывать на поверхность воды для кормёжки. Теперь гарнизонные солдаты колокольчиком вызывали их, вылавливали и варили. В зверинце и в царской охоте перебили всю дичь.

* * *

В Алатыре солдат Петров объявил себя начальником гарнизона, сместил 25 офицеров. В соборе произнёс речь и потребовал общего пения марсельезы. Хор и прихожане отказались – Петров пропел марсельезу один.

Командующий Омским военным округом генерал Григорьев изъявил желание поступить в партию эсеров.

* * *

Солдаты отстёгивают хлястик шинели нарочно – чтобы показать свóбодь. И шинель не только не застёгивают, но и в рукава часто не надевают, а внакидку носят. Шатаются по улицам, по чайным, и с бабами. Семячную шелуху даже не отплёвывают – она нарастает на губах, свисает из углов губ, потом цепочками отваливается. «Мы в лизерве».

Улицы и бульвары многих городов покрылись подсолнечным нагрызом, гуляет множество солдат – без поясов, а то и без погонов, с обязательно расстёгнутыми воротниками, с заломленными на затылок фуражками – зато с красными бантами, лоскутами. Как будто сплошной праздник.

Проходя строем по улицам (и в Москве) теперь поют не солдатские песни, как раньше, а похабные частушки, пересыпанные непристойностями. Уж самое приличное:

Молодая гимназистка сына родила.
Не вспоила, не вскормила – в реку бросилá.

И «часовой» теперь только по старому названию. А придя на пост – винтовку к стене, расстилает шинель и спит.

* * *

Солдатские толпы штыками заставляют врачей эвакуационных пунктов выдавать им свидетельства об увольнении вчистую.

* * *

В госпитале у доктора Лодыженского появился новый санитар. Доктор застал его, когда он убеждал сестёр, что все равны в правах и между ним и старшим врачом нет разницы. Доктор сказал: «Кравченко прав, и сегодня перевязывать раненых буду не я, а он. Потрудитесь приготовиться. Сестра, наблюдайте, чтобы правила асептики были тщательно выполнены. Ну что же, Кравченко, мойте руки». Сёстры потешались, а бунтарь скис. И скоро вообще сбежал из госпиталя.

* * *

Моряки, взятые с кораблей для обучения Черноморской десантной дивизии морским навыкам, нужным в десантной операции, потребовали от севастопольского Совета немедленно вернуть их на корабли: потому что паёк во флоте намного лучше, чем в сухопутных частях.

Дивизионный комитет явился к начальнику дивизии генералу Свечину. Поздоровались все за руку, развязно сели и заявили: «Решение наших товарищей солдат: дивизия категорически ни в какие десанты не пойдёт, и на корабли не сядет, а согласна только нести службу на побережьи Крыма».

* * *

Копируя Петроград, гарнизоны других городов тоже стали заявлять, что, в интересах защиты революции, никого не пошлют на фронт.

* * *

В лейб-гвардии Финляндском батальоне комитет вынес осуждение вольноопределяющемуся Фёдору Линде за то, что он сбил с толку батальон 20 апреля, – и постановил отправить его на фронт с первой же маршевой ротой.

* * *

В запасной лейб-гвардии Московский батальон в Петрограде приехали делегаты из действующего полка и требуют пополнений. Сперва собрали всех на плацу, говорщики – с балкона наружной лестницы. Свой батальонный, без погонов и без ремня:

– Товарищи! Они – это мы, а мы – это они, так что надо нам туды…

Но на комитете – совещатели упёрлись и стали грозить убить делегата. А он – кадровый, боевой:

– Ме-ня убить? Ах вы, сукины дети, шкурники! А ну, выходите с винтовками на плац, а мне дайте лопату – я вас всех как зайцев перестреляю! – (Молчат.) – Ну, выходи, что ли?

Заседание продолжилось, обещали 5 маршевых рот по четверть тысячи.

* * *

В Рогачёве пехотный полк отказался грузиться на фронт. Разгромил винные склады, навёл террор по городку.

Послали на них казаков. Прикладами и плетьми погрузили полк в эшелон.

* * *

В городах собирали по подписным листам деньги на подарки солдатам, едущим на фронт. Затем они и сами стали ходить с кружками, предлагая гражданам жертвовать героям.

А отъехав на две-три станции, начинали массами дезертировать.

В 125-м Курском полку сидели в окопах, ждали мира. Мира нет, а солдат всё меньше. Стали бояться, что слишком мало их останется на позиции, узнает немец и прорвёт. И послали делегатов в тыл, в свой базовый запасной полк – просить скорей маршевых рот.

Но – никому не охота на позицию. И там – арестовали делегатов, не пустили их назад.

* * *

В Ростове-на-Дону стояло два запасных полка – 187-й и 255-й. Их полковые комитеты разделили между солдатами полковые денежные суммы и ценное полковое имущество. Учебных занятий никаких, офицеры перестали и приходить на службу. Часовые не только спали на постах, но и обкрадывали охраняемое. Солдаты являлись в часть только к обеду и к ужину, остальное время занимались в городе или торговлей, или подённой работой, некоторые носиль-

щиками на вокзале (часто и воровали вещи), или на Пушкинском бульваре гуляли с девицами. Долго билось командование, чтоб отправить на фронт хоть одну маршевую роту. Сперва надо было доказать справедливость назначения роты. Потом обнаруживалось, что в той роте нет боевого снаряжения и обмундирования. Когда снабдили – начались из роты дезертирства. Стали дополнять из других рот – вся история снова. Затем отправляемая рота потребовала, чтобы каждый получил 500 руб. «на путевые расходы». Эти средства собрали по благотворительности среди зажиточного населения. Затем – молебствие, речи городского головы, градоначальника, начальника гарнизона, председателя совета – и рота уехала. (Под конвоем, – и всё ж половина не доехала до назначения.)

* * *

По керенской амнистии уголовный в тюрьме освобождался, если заявлял о желании идти на фронт, а местами получал и «месячный срок для устройства личных дел». Но, получив обмундирование, многие оставались в тех же городах, торговали полученным на базаре и грабили, и некоторых снова арестовывали. А кто ехал на фронт – только усиливал развал армии.

* * *

Идёт поезд с маршевыми ротами на фронт. На крупной станции солдаты высыпают: митинг. Кричат часа два. Иногда продолжают путь, иногда требуют от железнодорожников заворачивать эшелон назад.

* * *

ВОЙНА ДО ПОБЕДЫ – ГРАБЁЖ ДО КОНЦА!

* * *

99

Панихиду отец Леонид назначил на 9 часов утра.

Тогда в Коробовке назначили на 8 часов сельский сход. Село будоражилось и что-то готовило, может и само не понимало что.

И у отца Леонида, ещё с вечера получившего от Вяземских приказ Радко-Дмитриева, блеснула счастливая мысль: с этим приказом пойти самому на сход и там прочесть прежде панихиды.

Каким он застал сход и что кричали там поначалу – он Вяземским не успел рассказать. Пришёл к самой службе, но с глазами сияющими, какие только могут быть у растроганного священника.

– Всё хорошо, всё будет хорошо! – успел коснуться руки старой княгини.

А уже подваливала к храму и толпа – и снова неузнаваемо изменённая: прежние многолетне-привычные доброжелательные крестьянские лица, *свои*.

Как будто не было вчерашнего возбуждения, ропота в храме. Ни полосы разорения последних дней.

Коробовский резной иконостас – не стыден бы и в столичной церкви.

Разбирали, затепливали свечи – и замирали для моления.

Необычно и неприятно только было крестьянам, что – запаян гроб и нет покойного с венчиком на лице, а цинк один, хотя и обваленный цветами.

Успокоилась мать, успокоилась вдова, и Лили, и все. И отдались заупокойной службе, и над тёплыми огоньками сквозь ладанный дым – протягивало перед ними короткую жизнь брата, его узкое подвижное лицо, дар щедрости, остроумия, ума без учёности, отваги, отчаянного охотника, подолгу без сна и еды, безстрашного конника. Свои тридцать лет и провёл в цельной скачке – и убит на лету.

А может быть, по-нынешнему, – ему лучше, чем нам.

Отпели вечную память. (А какие певчие до сих пор, отцовские!) Кончилась панихида, ещё не гасили остатки свечей – отец Леонид достал ту бумагу и снова читал – звучно, назидательно, в виде надгробного слова:

– Приказ по 12-й армии… 17-го летучего санитарного отряда, 4-го Сибирского полка… Князь Вяземский всегда выдвигал свой отряд в самое пекло боя, действовал в самых опасных местах и зачастую под градом снарядов… Князю Вяземскому тысячи русских матерей обязаны сохранением своих сыновей, и десятки тысяч детей обязаны, что не остались сиротами… Имя князя Дмитрия будет долго вспоминаться всеми нами… Его малолетние сиротки, достигнув зрелого возраста, вспомнят с гордостью своего доблестного и самоотверженного отца.

Крестьянки плакали.

Князь Борис радовался, что не уступил угрозам.

Вот так надо и впредь: хамскому напору – не уступать ни в чём!

100

Как ощущал Керенский, в правительстве в середине апреля создался тупик. Сам он более не мог оставаться в одном кабинете с Милюковым. (Контакты с Бьюкененом давали надежду на поддержку английским послом кандидатуры Терещенки как более демократичной и созвучной времени. И Альбер Тома обещал поддерживать демократическое крыло кабинета.) И уже перерос Александр Фёдорович пост министра юстиции, ему нужен был пост военного, да и морского, министра. Подходило время – сотрясти правительство, чтоб эти перестановки могли совершиться, найти момент и повод. Ещё не зная пути (но непременно его найдёт!), в несколько фантазирующем настроении нащупывая это неясное будущее, Керенский вечером 19 апреля в Михайловском театре на концерте-митинге, патронируемом его женой, произнёс речь рассеянную и отчасти даже в дымке разочарования: Если мне не хотят следовать – я откажусь от власти… Никогда я не употреблю власти, чтоб навязать своё мнение… Когда страна хочет броситься в пропасть – никакая сила не может ей помешать…

Эти слова велись у него, как всегда, не чётким планом, но интуицией. Сердце раньше находило верную форму, чем мог бы придумать рассудок. Нельзя же было сказать: уберём, кто нам мешает, Милюкова и Гучкова. Но можно было тонко, гордо, изящно сделать движение к собственному уходу – и тысячи рук тотчас протянутся, чтоб удержать незаменимого! И тогда откроется путь его требованиям.

Он не предполагал, в какую опаснейшую минуту для себя начал эту игру! Именно в эти часы, когда в уютном Михайловском театре перемежались рояль, сопрано и речи политических деятелей, – редакций газет достигла нота Милюкова и вызвала свои злосчастные сотрясения.

И какого же маху, какую непростительную оплошность Керенский допустил с этой нотой! – ведь он сам её придумал, вытряс из Милюкова – а дал себя переиграть на ехидных формулировках, не поставил своего вето! А теперь – это горным обвалом обрушивалось на всех министров, и на прогрессивную шестёрку, и на самого Керенского: «нота одобрена всем правительством!»

Воротясь к полуночи из театра в свои министерские апартаменты, Керенский всё это узнал из нескольких телефонных звонков – и увидел грозную силу обвала: он так изящно грозился уйти – а их всех сейчас похоронят грубо вместе! И как самое меньшее: разгневанный Совет захочет *отозвать* своего заложника из правительства, – и придётся уйти?..

Измученно мечась, Александр Фёдорович только одно мог придумать: немедленно заболеть. Он мог – только затаиться под несущимся ураганом, может быть уцелеет. Он – нигде не мог показаться, он нигде не мог бы сейчас сплести никакой внятной фразы: к а к это объяснить? к а к он мог одобрить такую ноту? Немыслимо!

Но в тяжёлую минуту у нас есть друзья. Станкевич выручил по линии трудовиков, и в Исполкоме. А Масловский – по линии эсеров (трудность состоять в двух партиях сразу): в «Деле народа» авторитетно напечатал, что Керенский совсем не был единогласен с Милюковым. (А по другим газетам шли резолюции: почему такая нота подписана министром Керенским?!) И ещё, через Зензинова и друзей помельче, инспирировать в Таврическом слух, что Керенский *не* соглашался на эту отвратительную ноту!

И – замереть в болезни.

Замереть, затаиться, считать часы, считать проносящиеся над тобой вёрсты урагана – и ждать куда вынесет. Мучительно находиться в тени – и спасительно не мочь действовать! Ждать момента, когда снова можно выпрямиться и ринуться!

А 21 апреля оказалось ещё грозней, чем 20-е, стрельба! Керенский же не только не может вмешаться (и счастье, не знал бы, как вмешаться!) – но опаздывает и к развязке: Мариинская площадь бушует, требует наказания виновных – и Переверзев непомерно поспешно начинает

расследование, дурак Зарудный на площади чуть не обещает высылать Ленина (распёк его на другой день, нельзя так резко хватать в словах), – и в тех же часах появляются в Мариинском товарищ прокурора судебной палаты и следователь по важнейшим делам и допрашивают первых свидетелей и раненых, и выезжают в больницу присутствовать при вскрытии убитых. А вскрытие неумолимо утверждает, что пули были *разрывными*, – и поднимается скандал: таких пуль в русской армии нет! так *откуда* эти пули у отрядов Выборгской стороны? (Ошибка врачей? Но уже нельзя замять.) А болван Переверзев даже успевает, в отсутствие министра, самовольно издать воззвание, и в нём такие необдуманные слова: «решились поднять братоубийственную руку на тех, кто не разделяет выдвинутых ими лозунгов момента», – а *кто* в эти дни выдвигал «лозунги момента»? Только большевики. Так это место у Переверзева никак нельзя истолковать иначе, как против ленинцев! И притом – ссылка на распоряжение министра юстиции! Кошмарный поворот! Петля.

Будь Керенский в эти часы открыто на ногах – разве он дал бы действовать так напроломно? С позавчерашнего дня, с субботы, он и стал осаживать: дал нахлобучку и Переверзеву, и Зарудному, замедлил следственную комиссию и пригласил в неё представителей от ИК. А в воскресенье ИК создал и свою следственную комиссию, – и хотя это выглядело как недоверие министру юстиции, но Керенский был рад: теперь между двумя комиссиями во щель можно тихо всё следствие и запихнуть. Интересы ИК были, естественно, те же самые: не дать обвинить рабочих и прикрыть Ленина, иначе полный скандал для ИК. Тут все социалистические газеты стали выдвигать своих свидетелей: что на заводах не было дано никаких директив стрелять, лишь выдали боевые патроны, и нигде рабочие не стреляли в людей, разве только в воздух, а это всё – провокаторы-черносотенцы. Но втрое гремели буржуазные газеты: не должно быть тактических обходов и уклонения от гнетущей правды! поруган закон свободной страны! разрывные пули! мы отменили смертную казнь не для того, чтобы разнуздать убийства! пусть будет следствие безстрашно до конца, куда бы оно ни привело! нужно знать виновников кровопролития! сама демократия должна отделить себя от тех, н а к о г о падает подозрение.

А где-то от самих следователей происходила непозволительная утечка, и вот уже скандалёзная «Русская воля» печатала: «Накануне на заводах раздавались призывы идти на следующий день на Невский, чтобы “подавить контрреволюцию”, – так это была задуманная провокация? *Участники расстрела были названы многими свидетелями, но в настоящую минуту ещё не решено, в какой мере они будут отвечать за содеянное преступление.* Министру юстиции сделан подробный отчёт о следствии».

Так это был прямой намёк на укрывательство министра юстиции?

Одно утешение, что позиции буржуазных газет становились с каждой неделей слабей: их уже и бойкотировали, за них избивали газетчиков, и сами сотрудники редакций боялись погрома и укорачивали свои перья.

Ах, всё так! Ах, всё не так! *Не мог* Керенский сейчас открыто выступить против Ленина! Сейчас заострять свои действия в левую сторону – значит потерять весь политический капитал, надо быть самоубийцей! Ясно, что надо медленно, плавно свести: «определённой картины установить не удалось». И во всяком случае – ни одного же реально стрелявшего красногвардейца не разыскать. Так значит: это были типичные хулиганы, подонки общества.

И надо выдвинуть более энергично вперёд следствие о секретных сотрудниках Департамента полиции. (Сказал Малянтовичу.)

Но так или иначе – кризис пронесло прочь? И Керенский – вынырнул из-под милюковской ноты невредимым? Минутами – не ожидал.

Большевики стали требовать: лишить Керенского звания товарища Председателя Совета за то, что поддержал ноту Милюкова.

По сути – не нужно было ему и это звание (и сам Совет только мешал), – но требовалась дипломатическая загладка. И как ни униженно это, ехать оправдываться, но переломил

себя: сегодня утром позвонил Церетели и договорился приехать к ним на Бюро. Встретили очень настороженно и сидели допрашивали как прокуроры. Как мог он допустить милюковскую ноту? Как мог голосовать за неё? И почему не предупредил ИК?

Но Керенский нисколько не стеснился перед ними, напротив, обрёл свою отчаянную несущую лёгкость, которая выручала столько раз. Просто действительно было необходимо превратить декларацию 27 марта в акт внешней политики. И французские социалисты очень хотели этого. Да и Совет разве этого не хотел? Керенский-то Милюкова и заставил, а кто же! Но первый проект ноты был совершенно невозможный, и Керенский сразу наложил вето и даже пригрозил отставкой. И началась в правительстве борьба двух течений. И большинство стало на сторону Керенского. И так нота была изменена. (В отчаяньи: не проверят! А всё равно вывернусь!) Конечно, и в изменённом виде она не вполне удовлетворяла Керенского, но он счёл, что, добившись существенных уступок, не стоило создавать конфликта из-за словесности. Да просто не представлял, что ИК отнесётся так резко, а то он конечно бы предупредил! Но что нота якобы принята единогласно – это демагогия. А когда Милюков настаивал на своей трактовке – Керенский, к несчастью в те дни больной, заявил им об уходе. А теперь, вернувшись в правительство, настоит, что отныне руководство внешней политикой будет делом не одного министра иностранных дел, но малого кабинета внутри кабинета. И так все элементы, которые осмелились идти против демократии, – будут сразу аннулированы.

Почти убедил исполкомцев, но ещё допрашивали. А как понимать «санкции и гарантии»? О, только как международные суды. А кто войдёт в этот малый кабинет? Состав ещё не определён. А не могут ли войти члены ИК? Всё-таки неудобно, подразумеваются министры. А если послать комиссаров ИК в министерство иностранных дел? О, это можно обсудить.

И оправдался. И ещё по-дружески уговаривал скорей вступать в правительство самим. А то оно уйдёт в отставку. Охотников тащить министерские портфели – всё меньше.

Так-то так, но это расследование убийств теперь долго потянется. И ляжет невыносимым бременем на плечи министра юстиции. Так лишняя причина поскорее сменить пост.

Да уже и так слишком тесно становилось Керенскому в министерстве юстиции! Всё великое, что в нём можно было сделать, он уже совершил за первые недели. Сверкательно быть министром юстиции в первые дни революции, поражать молнией сановников старого режима, быть носителем исторического Возмездия. Но по каким лягушкам бить теперь, когда демократия уже восторжествовала?

Он отчётливо чувствовал в себе силы и задор – руководить целиком всею Россией. Да уже и румынского премьера и шведского посла принимал Керенский в министерстве юстиции. А уж завтраков с Бьюкененом… И с большой пристальностью уже следил за делами военными и морскими.

Кризис пронёсся, но проблема только выросла: как же быть правительству? Теперь об этом задумывался уже не один Керенский, а множество людей. И целый хор, устный и печатный, твердил: коалиция! вход социалистов в кабинет.

А трудовики и народные социалисты считали так и отначала. А вот и эсеры всё более сдвигались к тому.

Так что, собственно, это уже и неизбежно.

Хотел ли этого Керенский? Снова безумная сложность. Вообще, он предпочитал бы и дальше оставаться в правительстве единственным социалистом, единственным представителем революционной демократии, единственной надеждой трудящихся масс. Особенно не хотел бы он в правительство своих главных соперников – Чернова и Церетели. (А теперь если войдут, то именно они.) Но: без социалистической передвижки всё равно уже не обойтись. И без неё, видно, никак не вытряхнуть и противников: не освободиться от Милюкова и не занять место Гучкова. А Милюков – уже шатающийся зуб, надо ускорить выдерг. Да и «долой

Гучкова» многие несли. (С Лениным можно быть в отдалённом молчаливом союзе, он расчищает дорогу революции.)

В правительстве у Керенского было динамичное левое крыло, да и сам князь Львов шёл в фарватере – а всё же не хватало их соединённых сил вышибить Милюкова и Гучкова. Тут надо было применить внешний социалистический рычаг.

А с другой стороны, если в правительство войдут социалисты – то войдут от своих партий, от Совета, и станут более полномочными министрами, чем сам Керенский: а он – от самого себя? возникнет ситуация дефицита мандата. Как и это предусмотреть?

К счастью, Александр Фёдорович – гениальный тактик. Даже просто импровизатор, у него это в крови.

Вот что. Для того чтобы стать в правительстве крепче и получить мандат не хуже других социалистов – надо изобразить теперь фигуру самоухода. (Потрясающая интуиция: в Михайловском театре он и нашёл и высказал эту красивую фигуру ухода! И вот пронеслась буря – а неповреждённым остался не только Керенский, но и его намеченный ход. Только он уточнился.)

Самоуход! Это может быть – громкое открытое письмо сразу в несколько адресов. Прежде всего – петроградскому (всероссийского ещё нет) комитету эсеров (подчеркнуть своё исконное эсерство). Но – и Трудовой группе (не оторваться и от трудовиков). И – петроградскому Совету рабочих депутатов (именно не ИК, а целиком Совету, пленум выручал не раз, трибун Керенский разговаривает только с массами). Ну и родзянковскому думскому комитету для приличия, что ж.

И – догадка же, как сформулировать. До сих пор – и лишь по печальной неорганизованности трудовой демократии – Александр Керенский мог взять на себя и нести тяжёлую и ответственную роль соединительного звена между демократией и цензовыми силами. Хотя это было почти непосильно для отдельной личности. И только голос революционной социалистической совести помогал нести это бремя.

А сейчас – сейчас положение дел в стране ещё усложняется и усложняется. А с другой стороны – и революционная демократия теперь организована куда лучше, да, и не может далее устраняться от ответственного участия в управлении государством. Это придало бы революционной власти новые силы и авторитет.

Так вот: отныне – отныне – представители демократии могут брать на себя бремя власти только по полномочию демократии. (И – дайте мне его!) «*Нашу* эсеровскую партию всегда отличала прямота и откровенность. Мы всегда были рыцарями борьбы и рыцарями правды. Поднимем же высоко знамя идеальных ценностей! Я хочу энтузиазма!..» (Как-то недавно сказал отлично – но в документ не пойдёт.)

Отныне-то отныне, но поста не сдавать: а ныне – в ожидании вашего решения я буду нести до конца тяжесть фактического исполнения моих обязанностей.

И – тоже ход! – сегодня показал проект Чернову и Гоцу, хотят ли подправить партийные товарищи? – несравненное перо Виктора Михайловича? (И тот несколько фраз испортил.) И прямо сказал им, что один – больше в правительстве не останется.

С Черновым – отношения сложные: Чернов ревнует к успеху Керенского, к его неповторимому месту в России. Но и: Чернов сейчас союзник, потому что он откровенно жаждет и рвётся в министры.

Эти дни так напрягся перестройкой правительства – отказывался где-либо выступать, вот предлагают в Четырёх Думах, – ах, это уже не трибуна, эта дорога доступна для многих, она уже мертва.

А в министерство забежишь:

– Александр Фёдорыч, у вас – приём посетителей.

Ах приём, ну давайте. Приём по расписанию дважды в неделю, но приходится ежедневно: рассосать очередь. Тут и судейские чины, и присяжные поверенные, и простые солдаты, и жёны арестованных сановников, – уже на лестнице давка, не протолкнуться. (На лифте плакат: «Да здравствует правый и милостивый суд министерства юстиции и Сената!»)

Александр Фёдорович проносится сквозь набитую переднюю однокрылым ангелом (рука на перевязи, и всё та же, уже знаменитая, тёмная куртка): «Сперва депутации!»

Но одним глазом замечает: опять анархисты, в своих чёрных блузах… Это неприятнее: захватили дачу Дурново и не хотят отдавать.

И опять – башкиры, что ли: приглашают на мусульманский съезд.

101

Что Лев Борисович состоял большевиком, и даже с самого 1903 года, – была какая-то настойчивая случайность. В семье отца своего, весьма респектабельного человека, Лев получил хорошее выдержанное воспитание, в наследство – дар умеренности, взвешивания сторон, доверие к покойной аргументации, да и расположенность избегать жизненных потрясений. Ему по духу, собственно, были гораздо ближе меньшевики, с ними он чувствовал себя среди своих. И жена его Ольга Давыдовна, сестра Троцкого, тоже считала себя меньшевичкой. Но в 20 лет Лев проголосовал раз с большевиками – и так прибило к ним. И вовсе вопреки своему мягкому характеру принял устрашающий псевдоним Каменев.

Не пришлось ему кончить юридический факультет Московского университета, уехал в эмиграцию, там жил в окружении Ленина и невольно попал под его необоримое влияние: против напора его трудно спорить, и уклониться от него можно только разве на расстоянии, а в прямом соседстве невозможно. Расстояние возникло только тогда, когда провалился Малиновский, и надо было кого-то послать негласно руководить чурками из большевицкой фракции Думы, писать за них речи, учить их, – Ленин и послал Каменева, перед самой войной. Да всего несколько месяцев, с Карельского перешейка, он ими тут руководил – а дальше провал, и опять-таки из-за ленинского дьявольского нетерпеливого подталкивания: из Швейцарии прислал думской фракции как непременную инструкцию свои тезисы. И между другими стояло там: что поражение России в войне – «наименьшее зло» (а стало быть – желательный выход); и требование создавать в воюющей армии подпольные большевицкие группы. Надо совсем потерять ощущение российской действительности, чтобы такое приказывать, да кому – членам Государственной Думы! На тайном совещании с депутатами Каменев против этих двух тезисов возражал – и Петровский внёс его предлагаемые исправления в один машинописный экземпляр. А когда их всех той же осенью арестовали, предъявив государственную измену, то Каменев и надоумил депутатов ссылаться на это исправление: что депутаты, мол, сами от тех пунктов отказались. Власти тоже обрадовались такому истолкованию: иначе надо было вешать этих рабочих; переквалифицировали государственную измену в сообщество для тяжёлого преступления и отправили в сибирскую ссылку, с ними и Каменева. А Ленин рвал и метал, что на публичном суде не стали защищать его тезисы, – и за то объявил Каменева предателем.

В Сибири, в отдалении от Ленина, Каменев развивался нестеснённо, очень был обнадёжен ходом Февральской революции и, приехав в Петроград перенять руководство здешними большевиками от неграмотной шляпниковской братии, естественно, был расположен, как и большинство советского ИК, поддерживать Временное правительство и разумное государственное строительство.

Но вот приехал Ленин. Ещё и когда в первый вечер Каменев слушал в вагоне его выговор, затем его программу и затем на другой день в Таврическом дважды, – его поразила даже не та залётная дерзость крайних лозунгов, какая поразила всех, а – практическая неприменимость их сегодня, полная практическая безпомощность, за пределами осознания реальной обстановки. Эмигрантский безпочвенный разгон да ещё и собственное ленинское свойство заскакивать.

Жизнь Каменева в Сибири и вот уже скоро месяц в Петрограде утвердили его не поддаваться ленинским тезисам, а вступить с ними в корректный спор. Он дважды опубликовал в «Правде»: что тезисы Ленина – это его личное мнение, но в них нет никакого ответа на животрепещущие вопросы масс; на всё один ответ – социализм, но эта абсолютная истина ничем не помогает в практической политике. Эти тезисы – великолепная программа для первых шагов революции, но только в Англии, Франции или Германии, а не в России сегодняшнего дня: не учтено конкретное соотношение сил в данной стране. Такая абстрактная программа

совершенно не годится для нас, если мы хотим остаться партией революционных масс пролетариата, а не оторваться малой группой пропагандистов-коммунистов (как у Ленина всегда и бывало). Об отношении ко Временному правительству у Ленина даже сразу три ответа: 1) его надо свергнуть; 2) его сейчас нельзя свергнуть; 3) его вообще нельзя свергнуть обычным способом из-за того, что оно поддержано Советом.

А Ленин, это характерно для него, не признал ни на волос, ни в чём ни единого недостатка или промаха своей программы, а стал мгновенно изворачиваться в ответ, исписывая целые десятки страниц, и всё в атакующем стиле.

А тут уже стали собирать и заседания петроградской городской конференции большевиков. При отчаянной скудости большевицких сил пришлось удивиться, насколько трезвые тут раздались голоса, явно неожиданно для Ленина и оттеняя всю безпочвенность его программы. А страховик Калинин набрался смелости против ленинского авторитета: мы, старые большевики, верны ленинизму и удивляемся, что Ленин сам порывает с ним; но в ленинских тезисах ничего и практически нового нет по сравнению с тем, что в первые дни революции тут делала первобытная шляпниковская группа. Действительно, по примитивности эти линии вполне совпадали. Даже и «батрацкие депутаты» были в шляпниковских резолюциях БЦК, и вооружение народа, и немедленное создание красной гвардии по всей стране. Но удивительно, что Ленин ни на йоту не захотел этого отметить, он полностью игнорировал весь партийный опыт до его приезда. Неужели же в нём такое мелкое чувство первенства? самовлюблённость? – не похоже. Неужели надо заподозрить, что ему власть в партии важнее принципа? Или он боялся сравнения своей тактики с таким упрощённым образцом? Нет, скорее всего, он искренно и всем существом воспринимает: «революция – это я». И только он один знает *как*, а помимо него никто не может знать правильно.

В прениях Каменев не выступал, дал высказаться всем простым. А Ленин и безлично (но энергично) поддакивающий ему Зиновьев выявляли всё те же прорехи своей программы: ни одного практического указания, что же делать сегодня. Уж на Временное правительство Ленин валил самые небылые грехи – и попустительство монархистам, и нарочитое оттягивание Учредительного Собрания, – а наворотив всё это, ничего не мог предложить, кроме «длительной работы по прояснению пролетарского классового сознания», – в чём уже сильно отступил от своего приездного лозунга немедленной социалистической революции. Каменев внёс несколько поправок к резолюции, в том числе бдительный контроль над действиями Временного правительства, – Ленин отмёл: контролировать без власти нельзя, как я буду контролировать Англию, не завладев её флотом? – но, он не хотел признать: контроль – реален, ибо Совет-то имеет реальную власть, хотя в Исполнительном Комитете господствует интеллигенция и туда не попали те, кто были раньше руководителями пролетариата. И ещё, видя опасный наклон Ленина к немедленному свержению Временного правительства, Каменев предложил поправку: «конференция предостерегает от дезорганизующего в настоящий момент лозунга свержения, он может затормозить длительную работу просвещения масс». Но и эта, как все его поправки, была отвергнута при голосовании: есть у Ленина какая-то проломная сила убеждения, учительного напора на слушателей (да среди них всегда насажены его сторонники) – и они следуют за ним даже вопреки явности.

Но именно на этом пункте Ленин и сорвался в кризисе 20–21 апреля. А сорвавшись – рванул, напротив, с избытком назад, уже не только отказывался от «долой Временное правительство», но и свою вчерашнюю точку – однако уже будто и не свою, извернулся – называл авантюрной попыткой. Эту последнюю, отречную, резолюцию ЦК 22 апреля и составили и разослали впопыхах, без Каменева, – так что он и не имел случая упрекнуть Ленина: зачем уж так избыточно отступать?

Учился ли Ленин на своих срывах этих двух недель? Как будто и да – а как будто и нет. Сегодня, на первом и главном дне всероссийской конференции большевиков, при сильной

и оппозиционной ему группе москвичей, он развернул длинный сумбурный доклад «о текущем моменте», куда впихнул самые важные и разные вопросы – и отношение к Временному правительству, и как кончать войну, и международное рабочее движение, и, разумеется, всё скомкал. Переименование партии в коммунистическую уже ни разу не вспомнил. Как же именно кончать войну – он выразить не мог, тут у него полный утопизм, хотя будто: только массы не могут понять – как. Не настаивал с прежней яростью, что буржуазно-демократическая революция у нас кончилась, но и не соглашался, что – не кончилась. Он как будто отказывался от своего дикого лозунга превращения войны в гражданскую, но и не заменял его ничем, – а что у него в голове? Он так легко и быстро поворачивает, делая при этом вид, что и не повернулся. Тут, на конференции, между своими, говорил как на митинге: «*общеизвестно*, что тайные договоры содержат грабёж русскими капиталистами Китая, Персии, Австрии», – стыдно слушать. Или: «в Англии все тюрьмы наполнены социалистами». Или смехотворный практический шаг к социализму – «открыть единый банк в деревне», и однообразно повторял это, не находя ничего лучше. Ещё – передавать государству синдикат сахарозаводчиков, главное – именно его. И – всю землю, конечно.

И – что же ведёт его? Не может же Ленин искренно верить, что вот здесь и изложен правильный марксистский путь. Или это слепое стремление – скорее к власти? – тёмное для него самого? Просто сверкает ему, что *можно* овладеть, как показалось ему к концу 20 апреля? Ленин страстен в спорах, в ненависти, в ярости – а на самом деле поразительно холодное сердце. И не располагает к открытости. Поговорить с ним откровенно, интимно – не удавалось никогда за годы. И – ни в эти дни.

И кажется, для Ленина было неожиданностью, когда после его доклада поднялся Дзержинский и от группы товарищей потребовал дать большой содоклад Каменеву. И пришлось Ленину согласиться.

Кому ж было и принять ленинский вызов, если не Каменеву? Но, ища единства и умеренности, он не допустил ни одного полемического выпада и только отстаивал несомненные положения. Что лозунг «долой Временное правительство» играет дезорганизующую роль, в данный момент нельзя ставить вопроса о свержении, – и не надо дёрганий, эти шатания-колебания ослабили нашу позицию. Что всё в России ещё находится в расплавленном состоянии и буржуазная демократия не исчерпала своих возможностей. Ни из чего не следует, что революция уже приближается к социалистической. Не время нам разрывать блок с мелкой буржуазией, ещё можно делать совместные шаги. Именно революционная демократия, хотя товарищ Ленин и не любит этого слова, и должна будет столкнуться с буржуазией – хотя бы по вопросу свободы, ибо нынешняя полная свобода, атмосфера митингов исключают ведение войны, и правительство будет вынуждено что-то предпринять. И наш практический путь – это контроль Совета над правительством, как он уже и идёт, он есть разумный этап к будущему взятию нами власти.

Прения тоже не могли сильно порадовать Ленина. Хотя и были такие тупые, как Бубнов, – немедленно поднять знамя гражданской войны, свергнуть правительство, осуществить нашу диктатуру; или, поумней, Ангарский, – свергать правительство неизбежно, но надо ждать, когда оно пошлёт воинские команды против крестьян. Даже Богдатьев, близкий к Ленину, – не надо бояться гражданской войны, – и тот оговаривал, что у Ленина нет практического чутья и знакомства с крестьянской массой. А Смидович бранил ленинские тезисы, что они отмежевали и изолировали большевиков ото всех фракций Совета, ото всех партий и от самих масс, тезисы стали всеобщим пугалом, и при каждом выступлении нам их напоминают. И Кураев: что тезисы в голой форме, без промежуточных звеньев, никуда не годятся, нельзя выставлять одну голую диктатуру и никакого конкретного плана. Практические провинциальные работники все видели этот ленинский эмигрантский отрыв в заоблака теории. Особенно энергично отвергал и ленинскую резолюцию, и его взгляд на Советы – Ногин: нам нужна практическая программа, а не общая теория; так же и с войной: а что если она кончится раньше, чем разовьётся мировое

пролетарское движение? А Рыков возражал по самой сути: что в нашей крестьянской стране нельзя рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции, и с такими лозунгами мы превратимся в пропагандистский кружок, малую кучку. И с войной: нельзя обезкураживать массы, что нет другого выхода из войны, как переход власти в руки пролетариата.

Ну, Зиновьев, ленинский подголосок, разумеется, со всем апломбом своей недалёкости и оттого особенной уверенности, газетности, во всех точках защищал ленинскую программу и заносился о Каменеве, что, конечно, живя в Сибири, он не мог следить за новейшей интернациональной литературой, а то бы знал, что стоит на позиции Каутского.

От Зиновьева – какое-то общее ощущение нечистоплотности: и от волос его, от головы, от речи, от аргументов, от приёмов.

Пожалуй – и от Сталина. Это впечатление появлялось у Каменева и раньше, а сегодня усилилось от внезапного лукавого поворота того на ленинскую сторону. Все эти недели смирно шёл вслед Каменеву – а сегодня выступил коротко и, как обычно, без единой стройной мысли, – лишь открыто заявить, что он – за Ленина.

Оставалось заключительное слово Ленина – и он ещё и ещё раз удивил. Он – как будто не слышал большей части прений, и всех упрёков, и критики своей программы. Он вдруг с поразительной оборотливостью объявил, что с Каменевым они *во всём согласны!* – (во всём, на что надо бы ему ответить или сдаться?) – и только единственный пункт разногласий: контроль над правительством.

Во всём согласны? – когда во всём практически расходимся! Этим шедевром уклончивости Каменев был просто ошеломлён. Но из такта он не мог указать вслух.

И только по поводу бурного кризиса этих дней Ленин выдавил из себя толику признания: мы хотели произвести мирную разведку сил неприятеля… мы не знали, насколько колебнулась масса в нашу сторону, и вопрос был бы другой, если бы колебнулась сильно… ПК взял «чуточку левее», а мы не успели задержать… всё произошло из-за несовершенства организационного аппарата. Были ошибки? Да, были. Не ошибается тот, кто не действует.

И ещё – полупризнал, сквозь зубы, что партия большевиков оказалась в изоляции. Но – как будто не из-за его призрачных тезисов. И как будто – не из-за промахов кризисных дней.

Документы – 17

24 апреля

ИЗ ГЕРМАНСКОЙ СТАВКИ – РЕЙХСКАНЦЛЕРУ БЕТМАН-ГОЛЬВЕГУ

Срочно, вслед за телефонным сообщением

Сообщение офицера разведки о переговорах с двумя русскими депутатами южнее г. Дисны… Побудить Стеклова, первого заместителя Чхеидзе, без которого нельзя обойтись, приехать на место. Стеклов склонен к компромиссам… Если немцы откажутся от аннексий, то русские не должны будут считаться с Антантой, но заключат сепаратный мир. За свой излишек военнопленных Россия предлагает денежное возмещение… Из дальнейшего следовало, что Россия не будет непреклонно держаться точки зрения о не-аннексиях с нашей стороны. Галиция будет, разумеется, очищена для Австрии… Депутаты сказали дальше: интерес к вопросу о том, кто начал войну, отошёл в России полностью на задний план. Единственный жгучий вопрос для всей страны – скорое заключение мира.

Соображения Вашего превосходительства насчёт присоединения Литвы и Курляндии при собственном герцоге доложены ген. Людендорфу. Слово «аннексия» должно быть заменено «исправлением границы».

102

И началось с такого пустяка: вечером поздно, уже собираясь спать, уже пожелав спокойной ночи, я сегодня очень устал, Линочка, – вышел без кителя в среднюю комнату, напомнить:

– Прости пожалуйста, так ты не забудешь завтра…

А Алина – ещё играла на пианино, боком к нему. Вдруг сорвала руки с клавишей, крутанулась на вертящемся стуле и сразу вскрикнула:

– Сколько раз я просила – не смей перебивать меня на средине музыкальной вещи!

И хлопнула крышкой пианино.

– Если ты сам не слушаешь, как я играю, если тебе безразлично, ты, по крайней мере, мог бы *уважать* мои занятия! Ты мог бы понять, что они – часть моей *личности*! Но ты никогда не считал меня личностью!

Это всё – так быстро, так громко, так сорванно, так подготовленно говорилось, как бы Алина уже бурлила и только ждала, чтоб он перервал. Георгий хотел извиниться, оправдаться, где там! – голос её взнесенный дрожал, и обе руки широко размахивались, каждая по-разному:

– Ты всегда высмеивал все мои увлечения! и как я люблю обряды подарков! и как я слишком много пишу поздравительных писем! А если я читала не то, что тебе нравилось, то: кто тебе эту чушь посоветовал? Тебя всё раздражало, в чём я росла отдельно и особенно, по-своему. То – я слишком громко смеюсь, делюсь мыслями вслух, – «лирика в общественных местах», неприлично! Ты гнул меня и корёжил, как хотел.

За эти месяцы сильно похудевшая, оттого девически стройная, с выразительными горящими глазами, и вправду бы даже хороша, но с подброшенным выкатистым подбородочком, и как бы мужской гневный похмур лба, – Алина метала ему не всё по порядку, но со страстью всё:

– И моё фотографирование высмеивал, и моих снимков не смотрел месяцами, у меня руки отваливались клеить их в альбомы. В твоей душе – ненормально малое место для жены, для всего семейного. Тебе в голову никогда не приходило предложить нам вместе поехать в Борисоглебск, посмотреть, как моя мамочка живёт, я ездила одна. Для всех нормальных людей слово «семья» – священно! А ты? Никогда не понимал! У тебя нет вообще человечности!

Боже, да как это убеждённо, да с каким пыланием! Да может, она и права. От неё посмотреть – так может, и верно. Георгий не успевал этого потока проработать, он за лоб взялся у дверного косяка.

– И сейчас, когда ты кругом виноват! – это слово понравилось ей, и она повторила его обкатанно, сочно, чуть пристукнув одной ножкой, – *кругом виноват!* ты опять допускаешь нотки раздражения, обыденность, деловой тон, – уж я не говорю когда-нибудь принёс бы мне букет, этим родом чувств ты не одарён. Но ты даже ни разу не назвал меня своей Половиночкой, от самого того Петербурга ни разу, я заметила! Какой замысел у нас был красивый, когда-то, что мы теперь будем не два отдельных существа, но половинки одного, друг другу понятные, даже без слов, – и всё развалилось! И всё по твоей вине!

Георгий шагнул к ней, пытался взять за прыгающие руки:

– Линочка! Но я постоянно с такой нежностью о тебе думаю… Её взвило как бичом:

– Не подчёркивай мне свою *нежность*! Нежность! Я могла бы рассчитывать на большее! У тебя лучше бы появилось желание сделать меня счастливой в полноту моих чувств!

Где уж теперь в полноту… Теперь бы хоть поладить как-нибудь…

– Другие мучат, когда ненавидят. Но ведь ты – любишь меня, и мучаешь.

Заплакала. Не додержалась дольше. Сразу ослабела, руки повисли, плечи обвисли. Но тут же пришли его руки, с обеих сторон. Искал утешительное:

– Линуся… Ну нам же не по двадцать лет…

– Ах, наверно и в сорок! – воскликнула она с такой едкой горечью. – Ах, ещё б и не в пятьдесят!

– Ни в каких твоих любимых занятиях я тебе давно не препятствую… Но ты уж любишь делать – только что тебе нравится.

– А ты? – вскинула она живой, сушеющий, сообразительный взгляд. – А ты разве занимаешься не тем, что тебе нравится?

– Я хотел сказать… ты не обязана делать то, что кому-нибудь нужно, а по большей части и делаешь, что тебе приятно…

– Да! Я – увлекающаяся натура! И – инициативная! И не надо подавлять моих увлечений, а поощрять их, это в твоих же интересах, тебе же будет легче жить. Я не должна делать ничего такого, что б меня не увлекало. Иначе я не выдержу душевной боли! – Голос её грознел, и глаза опять наливались: – Ты – помни, какую рану ты мне нанёс! Ты думаешь – *это всё уже кончено*??

Он похолодел.

– Ну, не надо, – отговаривал нежно. – Почему ты всё плачешь? Смотри – я же здесь, каждый день, и ничего не случилось. Посмотри, как ты извелась, похудела…

– А *кто* меня сделал такой?!

Опять плохо, не попал.

– Ты ещё по-настоящему не просил у меня прощения за неё! Ты ещё – не стоял на коленях!

Алина, уже вплотную к нему, ещё выдвинулась разгорячённым лицом:

– А *что* ты понимаешь под обещанием, что – всё кончено, мы – всё исправим?

Георгий не успевал уловить всех её переходов. Он не совсем понимал, как шёл разговор, как будто главная линия неназванно гнулась сама собой, а произносилось вслух другое. Поймать же той линии он не мог.

– Это значит, – впечатывала она, – не только, что ты не будешь встречаться с ней, но и: *в семье всё должно вернуться на свои места!*

Опять за оба предлокотья, твёрдо, со всей полнотой смысла:

– Линочка! Я же говорил, повторял, выбрось из головы всякие опасения, я никогда тебя не оставлю.

Она отмахнулась головой, как от большой мухи, вот тут мешавшей, а руки заняты:

– Я – горю безпрерывно! И успокоения – нет!

Гипнотизировала изблизи:

– Ска-жи. Когда я осенью предлагала – зачем же ты отверг и не дал свободы мне? В тот момент у меня был порыв эту свободу использовать – а ты запретил.

Запретил? Он такого не помнил.

Усмехнулась:

– Да я и сейчас, кому захочу – любому понравлюсь. Только тебе не могу никак. Я просто сдерживала себя до сих пор. В браке мы равны, и я оставляю за собой это право!

Лицо её пожесточело, повластнело, но от этого сразу и постарело.

– Запомни! Снисхождения мне не надо. Я добьюсь, чтобы мой приход был для тебя праздником, а не напоминанием долга.

Она перескакивала, он совсем не успевал.

– О, если бы у нас были дети, совсем другая была бы жизнь.

Смотрела с презрением, чуть прищуриваясь:

– Да вообще, – имеешь ли ты понятие о настоящей силе чувства? Любви? Или отчаяния? Да ты даже, – с наслаждением взмучивала она боль, – ты даже и любовницу свою способен ли крепко полюбить?

О, безумная и несчастная!

И не ждала ответа, её уже зацепило крюком по больному месту – и потащило:

– А хотела, хотела я не уезжать тогда в Борисоглебск, чтобы только взглянуть на тебя! Посмотреть, с каким лицом ты явишься от неё ко мне?! С какой совестью! – вскричала, и вырвала от него свои руки, и отшагнула: – Я любила тебя со всеми твоими недостатками! Она – за одни твои показные достоинства. У меня в центре жизни – любовь, у неё – собственное «я». И всё равно тебя будет раздражать всё, что отличает меня от неё!

С последней надеждой, уговорительно:

– Да нет, Линочка… Не будет.

– Ну как же! Она, оказывается, умеет и музыку толковать! Она тонко разбирается…

Если б Алина не так нападательно разговаривала! Но где-то надо и остановиться. Спокойно, но строго:

– Да почему ты так всегда боишься сравнений? Напротив, надо всё время сравнивать себя с другими людьми и улучшаться. – Твердел. – Не непременно играть самому, можно – воспринимать, толковать. Как раз этого я от тебя обычно не слышал…

Алина подбежала и закрыла ему рот рукой. Была такая у неё защитная манера: не дать говорить, что ей больно услышать бы.

– Ну вот! ну вот! – вскричала как торжествующе раненная. – Я знала! Ничего не кончено! Всё осталось! Что же ты не едешь к ней, почему не просишься?!

Этот её жест затыкания рта – ребёнок она и оставалась. Он переступил, не надо обижать.

А её несло всё безсвязней:

– Вот как ты мне отплатил *за всё*! за всё! Но запомни: ты видел её – последний раз! Или меня – последний! – И вдруг собрала глаза, как увидела что-то за его спиной. И почти шёпотом, почти шёпотом, но угрожающим: – А случись в твоей жизни что-нибудь страшное? Тяжёлая рана? *Кому* ты будешь руки целовать? У *кого* просить прощения?

Она была без сил, была жалка, но она перешла чур, запретный для воюющего солдата. И сразу – выкинулась из сердца вся расположенность, вся наклонность смягчать и льготить. Молча повернулся, ушёл. Метнул задвижкой.

Кажется, минут через пять порывалась войти. Шалишь, не возьмёшь.

103″

(по социалистическим газетам, 18–25 апреля)

Гор. Курмыш торжественно праздновал день 1 мая. Начали молебном и обошли все улицы с пением революционных песен.

РЕВОЛЮЦИИ НУЖЕН ХЛЕБ! ПОМНИТЕ ЭТО, БРАТЬЯ КРЕСТЬЯНЕ!

Воззвание Ромена Роллана. «Русские братья! Вы одним прыжком поднялись до уровня Франции и её Великой Революции. Превзойдите этот уровень! И пусть мир, разбуженный вашим голосом, поскорей последует за вами!..»

…Право пролетариата на вражду с другими классами всесторонне и глубоко обосновано. Но именно пролетариат вносит в жизнь великую благостную идею новой культуры великого братства…

(Горький)

Москва. Крупная московская финансовая буржуазия устами г. Кагана выразила полную и безусловную свою поддержку займу Свободы. Его поддержали кадетские финансисты г. г. Гензель и Каценеленбаум, категорически заявившие, что заём это лучшее средство…

ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ. …Наша разруха ещё даже хуже, чем предупреждает Временное правительство. Хозяйственная жизнь – в полном распаде. Прежнее правительство трусило поставить магнатов под контроль – трусит и новое. «Творческая инициатива капитала» ничем не отличается от мародёров тыла.

(«Новая жизнь»)

Московский СРД обратился к СРД всех хлебопроизводительных губерний: оказать содействие агентам московского продовольственного комитета, принять меры к проверке скрываемых запасов и к реквизициям.

ИДИТЕ В ДЕРЕВНЮ. Тёмная сила сгнившего царского правительства поднимает свою мерзкую голову. Деревня в опасности. Народ теряется, ненависть и страсти растут, резня каждый час готова вспыхнуть. В некоторых местах аграрное пламя уже кипит. Товарищи и граждане! Не дайте погибнуть нашему народу, не бросьте его в этот великий час, чтобы непорочная невеста – Свобода, не отвернулась от него. Товарищи, оставьте личные дела, и оставьте пока строительство новой жизни! В городах вам нечего делать, здесь граждане подготовлены…

(«Известия СРСД»)

Стародуб. Постановление исполнительного комитета общественных организаций: признавая свободу слова, союзов и собраний в самом широком смысле слова, в то же время не считаем возможным в настоящий момент допустить функционирование таких политических партий, как «Союз русского народа».

…Офицеров полиции и жандармерии отправлять на фронт в качестве рядовых. Бывшего царя Николая, его супругу, мать и Марию Павловну поместить в Петропавловскую крепость.

Приводят к присяге. Необходимо обратить самое серьёзное внимание: в Херсонской губ. батюшки приводят деревенское население к присяге Временному правительству, объявляют в церквах, ходят по приходам. Уродливое течение, духовные отцы вносят немалую смуту в умы.

Житомирский СРД обратился в Петроградский СРД с просьбой содействовать обезвреженью еп. Евлогия и послушного ему духовенства.

Нижний Новгород. Губернский исполнительный комитет постановил не допускать возвращения архиепископа Иоакима в Нижний Новгород и сообщил начальникам ж-д станций, чтобы предупредили: в случае возвращения будет арестован.

Пора прекратить! Пора прекратить ту вакханалию лжи, клеветы и доносительства, которая развёртывается в нашей прессе против Ленина. В странах, живущих свободной жизнью, политика творится улицей и на улице, и от этого священного права демократия отказаться не может. Но современная улица таит в себе и тёмные страсти.
(«Новая жизнь»)

О т ц е н т р а л ь н о г о п р о д о в о л ь с т в е н н о г о к о м и т е т а. Проклятое наследие старого режима, осложнённое распутицей… неорганизованностью на местах… Ввиду малых заготовок, о которых не позаботилась дореволюционная власть… приходится прибегнуть к уменьшению хлебного пайка. С 27 апр. – 3/4 фунта для всех граждан, кроме рабочих усиленного физического труда, для которых 1 ½ ф. …Комитет не сомневается, что вы, граждане освобождённой России, отнесётесь спокойно к этой мере… Усердная просьба: экономно расходуйте хлеб, не пользуйтесь всеми карточками… Товарищи солдаты! Не требуйте хлеба без карточек и вне очереди!

Я издавна чувствую себя живущим в стране, где огромное большинство населения – болтуны и бездельники, и вся работа моей жизни сводится к возбуждению в людях дееспособности.
(Горький, «Новая жизнь»)

Казалось бы, каждый русский гражданин должен ценить каждую русскую народную копейку. Но куда гоняют по петроградским улицам военные автомобили после 7 ч. вечера и с дамами? В какие служебные командировки?
Военный шофёр

КРЕСТЬЯНЕ! НА ГОРОДА НАДВИГАЕТСЯ ГОЛОД. ВЕЗИТЕ ХЛЕБ!

…Русская революция громким благовестом отозвалась во всех концах мира… Нет, не России первой суждено войти во врата социалистического царства. Но она вселяет… будит… зовёт. Русский народ, который до сих пор невольно был тормозом мировой цивилизации… Неслыханное торжество идей Интернационала…
(«Известия СРСД»)

Государственная Дума, которая уже давно смердит, поднимает вопрос, чтобы ей было предоставлено место в жизни, рядом с живыми.
(Горький, «Новая жизнь»)

Мы, рабочие завода Гольштрам и Тунельд, требуем от Временного правительства, чтоб оно всецело подчинялось решениям СРСД. Если оно не будет подчиняться – то требуем его смещения. Требуем от СРСД, чтобы он вооружил рабочих Петрограда всеми видами оружия…

Феодосия. …Совещание призвало граждан к обязательной подписке на Заём Свободы. Уклонение от подписки на Заём означает измену делу свободы…

Ростов-на-Дону. Купец Вейсбрем подписался на миллион рублей.

Царицын. В синагоге в течение получаса подписано на 3 миллиона рублей.

Скопин. Упразднять так упразднять всё, от царя до старосты. Крестьяне нашли, что и уездное земское собрание совсем не нужно, его обязанности может исполнять уездный комитет.

…Совету рабочих депутатов сейчас же пересмотреть вопрос о содержании бывшего царя, т. к. держат его в прежних палатах, воздвигнутых на народные деньги, окружённого целой сворой слуг, когда России дорога каждая лишняя копейка… Он теперь простой гражданин Романов, обвиняемый в самых тяжких преступлениях перед родиной. По трудам его и воздать должное, и перевести на общий режим в Петропавловскую крепость.
(«Известия СРСД»)

На черниговском крестьянском съезде молодой священник Мозалевский заявил: «До сих пор священники жили у нас паразитами, они играли роль жандармов у правительства». Оратор высказывает мысль, что первым эсером и социал-демократом был Христос, а буржуазия до сих пор распинала народ на кресте.

… реорганизовать всё управление петроградским трамваем на демократических началах…

Собрание прислуг Нарвского района в числе 515 чел. присоединяет свой слабый голос… никакой пенсии старым министрам и сановникам, страшным угнетателям народа…

Товарищи подростки до 18 лет… приглашаются выбрать по одному представителю от каждого завода на районное собрание.

Нижний Новгород, 21 апр. На почве недостатка муки в городе произошли резкие выступления женщин, преимущественно солдаток. Собираясь толпами, они врываются в дома граждан и производят обыски с целью отыскания предметов продовольствия. На уличных митингах несколько случаев ареста солдатами лиц, высказывающихся за войну до победного конца и захват проливов.

Об отлучках. Полковой комитет 1-го Гренадерского Ростовского полка… Всех бежавших из полка считать изменниками и предателями… При возвращении в полк предавать полковому суду. Извещать о бежавших в волость… прекратить выдачу пайка семьям бежавших… всех родственников и знакомых, скрывавших бежавших, считать тоже изменниками и привлекать к ответственности…

КРЕСТЬЯНЕ! ВАШИ БРАТЬЯ В ГОРОДАХ И НА ФРОНТЕ ЖДУТ ОТ ВАС ХЛЕБА!

…Кадетские «граждане» выступили с плакатами, превзошедшими своим клеветническим цинизмом всё, что в добрые старые времена самодержавия позволяли себе черносотенные банды погромщиков («арестуйте шпиона Ленина»). Неудивительно, что отдельные заводы не выдержали и организовали демонстрации противоположные. Кто же был «безумным сеятелем смуты»? Неведомые безответственные «ленинцы» или для всех ведомая, высокоответственная партия народной свободы?
(«Новая жизнь»)

Выборгский районный СРСД приветствует Михайловское артиллерийское училище, что оно не пошло на провокационный вызов ген. Корнилова, направленный на подавление революционных масс, и просит о назначении следственной комиссии по волнующему всех рабочих факту.

О СТРЕЛЬБЕ НА НЕВСКОМ. …Это была пальба по СРСД. Преступная воля, направлявшая её, метила в юную русскую свободу. Рассказывают вещи довольно жуткие: кто-то раздавал деньги подозрительным типам… Очевидцы утверждают, что рабочие и солдаты, протестовавшие против грубых нападок на СРСД, подвергались избиениям со стороны приличной публики в котелках и разодетых дам. Где искать виновников чудовищной провокации этого дня? Сторонников старого режима шатается на свободе немало. Многочисленные агенты тайной и явной полиции. Допустим даже маловероятную версию, что стреляли озлобленные или сбитые с толку рабочие, – но ведь и их могла направить преступная воля провокатора. Можно с уверенностью сказать, что если выстрелы производили рабочие, то они, конечно, стреляли в воздух. Не сомневаемся, что следствие рассеет гнусные обвинения против революционно настроенных рабочих.
(«Известия СРСД»)

…я не знаю, кто стрелял в людей третьего дня на Невском.
(Горький)

Ленинцы испугались тех духов, которых они вызвали и с которыми уже сами не могли сладить.
(«Рабочая газета»)

Резолюция команды и рабочих морского полигона. Признаём единственную власть Народа России – СРСД, а Временное правительство должно уйти добровольно от власти, ему не могут доверять трудящиеся массы России, как представителям капитала.

…удалить из Временного правительства, по крайней мере, Милюкова и Гучкова, первых отступников от требований народа. В случае отказа – ликвидировать весь состав правительства.

Документы – 18

Опубликовано 25 апреля

ПРИКАЗ № 176 ПО ПЕТРОГРАДСКОМУ В. О.

За последнее время наблюдаются случаи чрезмерного увеличения побегов солдат, расположенных в пределах вверенного мне Округа… Указанное крайне грустное явление заставляет меня принять нежелательную меру, а именно: оглашать в печати имена и фамилии тех солдат, которые, видимо, недостаточно проникнуты сознанием своего долга перед Родиною и важностью переживаемого момента.

Ген. – лейт. Корнилов, 19 апреля

104

Так и переломилась жизнь Ярика – не революцией как бы, а его отпуском. Уехал он из нормального полка, от нормальной роты, а вернулся – всё подменённое и больное. И с тех пор, полтора месяца, всё хуже и хуже.

В подлад к разнимающей солдатское сердце весне тишина на фронте стояла небывалая. Неделя за неделей ни одного орудийного выстрела, не прочертит мина свой светящийся изломанный след, не упадёт с отвратительным хрюканьем, да даже и из винтовок совсем уже редко хлопнут, и как что-то неприличное. Если в полку трещат выстрелы – то это стреляют в галок. А гранатами – глушат рыбу в речке, в полосе резерва. Винтовки чистить, протирать – и унтеры уже не заставят, только у кого у самого совесть есть. А уж к химической атаке – совсем не готовы, и не спрашивай. В землянках – играют в очко.

Каков был отвеку русский солдат! Никогда не жаловался на тяжесть военной службы, на строгости. Караульный устав и обязанности часового цепко держали его воображение. И какие прежде бывали нарушения дисциплины – то только в пьяном виде. Веками было так. И всё отвалилось – за месяц.

И как же несправедливо обернулось на офицеров! Разве ежедневно не одною смертью мы умирали? – да доля павших офицеров больше, чем доля павших солдат. И на фронт разве рвались не те, кто смелей, а другая порода притарчивалась в тылу. И какой офицер «буржуй», как тычут партийные агитаторы? – у кого есть собственные дома? кто передаёт состояние по наследству? Офицер живёт с одной службы. И уходить со службы – некуда, хоть бы и захотел.

Жили как внезапно попавши в тюрьму. Заметил Ярик: офицеры стали и сидеть в неуверенных, характерных полупонурых позах, в каких частенько сидят свежие пленные. А каждый десятый, если не пятый, усильно ищет в себе сочувствие к новому невыносному порядку, чтобы всё-таки мочь существовать как-то.

На любое деловое, служебное заседание офицеров – имеет право явиться представитель солдатского комитета – и *контролировать.* Комитетами верховодят полуобразованные, «которые с носовыми платками». А если кто из служилых унтеров оборотится сказать за дисциплину или против братания, – им самим угрожают из солдатской массы, что, мол, «продались» офицерам, из комитета – переизбирают вон. И так все привыкают прислуживать сверху вниз.

Не стало положения безпомощней, опустошённей, чем быть русским офицером.

Ярик-то всегда был с ротой хорош, и к нему после революции не переменились. Никто ему не угрожал, часто звали и в ротный комитет.

Но – для чего ж он становился офицером? Издавний спор его с матерью, что он должен служить офицером – и никем другим? А теперь – кем? А теперь зачем?

Но и отделиться от офицерского ряда никаким благоволением роты Ярослав Харитонов уже не хотел. И рота была – его, но и офицерство – его.

Раньше немецкие прокламации бросали с аэропланов – теперь их приносят свои же солдаты с братания или газету «Русский вестник», всё на отличной бумаге напечатано и с полной грамотностью: «Кончаем войну! Русские, не наступайте! Мы тоже не будем наступать. И не доверяйте Англии!». Солдатам очень нравится.

А с тыла в полк уже не раз приезжали «делегаты» и близ полковой канцелярии собирали митинги, все валили из окопов туда: земля будет ваша! фабрики – ваши! и жизнь совсем новая – без всякой полиции, не платить податей, и у каждого полный дом добра.

А то и такие приезжают, да и в большевицкой «Солдатской правде»: бросайте фронт и езжайте домой землю делить!

Вот этот отчётливый зов и увлекал солдат: спасайся, кто может! И больше всего поддавались молодые, недавно набранные: «Да лучше заплатим немцам 50 миллиардов и ещё будем работать на них – только бы не воевать».

Продавала себя Родина за Землю и Волю. Не тянули Вера и Отечество против Земли и Воли.

А всё-таки оставалась и надежда: ведь могла бы фронтовая армия и вовсе бросить оружие, и *уже* разойтись, – никто б её не остановил. А не расходились! Что-то удерживало.

В тоске ожидали офицеры подкрепляющих вестей из Петрограда, твёрдых и неотменных распоряжений. Но не было их.

И так раскладывали офицеры: сейчас бы нам уйти со службы всем до одного – пусть без нас попробуют. Начальник дивизии внушал: ни в коем случае! всем до одного оставаться на своих должностях, и задерживать, сколько можно, крушение армии.

Но и – куда идти, когда вся Россия стала сумасшедший дом?

Нет, всё больше понимали, что обречены именно тут, на мученичество.

Оттаяли поля – и открылась прошлогодняя трава. Вот: эта самая трава – и росла, и увяла, когда не было у нас ещё никакой революции…

Куда идти?.. Разве, в одиночку, – на немецкую проволоку?

105′

(Временное правительство молит о поддержке)

Пережитые дни 20 и 21 апреля ошеломили если не Терещенко и Некрасова, то остальных министров всех, и даже князя Львова, неуязвимого в облаке его благодушия. При встрече воинских делегаций, всё ещё текших в Мариинский дворец, хотя куда реже, он продолжал ободрительно им заявлять:

> Каждый прожитый день укрепляет в нас веру в государственный разум русского народа и величие его души.

Но в частных беседах стал горько жаловаться, что Совет демагогичен, а положение в стране почему-то идёт не к лучшему, а к худшему. Даже обидней всего пришлись министрам не сами апрельские дни, а как врально теперь их перелагала социалистическая пресса: печатались показания каких-то лжесвидетелей, по которым выходило, что вооружённые рабочие отряды только были жертвами нападения озверелых буржуазных толп, а сами или вовсе не стреляли, или только в воздух. Или даже было такое свидетельство, что инвалиды войны с автомобиля «Да здравствует Временное правительство» стреляли в особняк Кшесинской, а рабочие демонстрации шли на Невский нехотя, только лишь узнав о насилиях, творимых буржуазией.

И эта лживая версия докатывалась же и до фронта, и вот в этих днях получило правительство осудительную телеграмму от 38-й пехотной дивизии: «Вы хотите погубить нашу свободу и родину и захватить власть в свои руки. Армия не допустит, чтобы буржуазия наложила свою тяжёлую руку на пролетариат. Не испытывайте нашего терпения и немедленно откажитесь от империалистических вожделений». И требовали опубликовать манифест Совета 14 марта от имени правительства.

Впрочем, и не так худо, артиллеристы 38-й же бригады, при той же дивизии, отповещали: «Не раз мы слышали упрёки пехоты. Но мы стреляли и будем стрелять по немцам, идущим к нашим окопам».

А делегация 7-й армии сегодня огласила: «Во имя мира мы отрицаем братание». А кубанская Рада слала правительству: «Поможем всеми войсками против любых попыток».

К кому прислушиваться?

Конечно, велось расследование, и истинная картина будет восстановлена. Но самим министрам было страшно, куда это расследование доведёт: ведь до Ленина. Это может стать как бикфордов шнур к социалистическому гневу, этого не следует взрывать. Да даже всякие обвинения рабочих приведут к расстройству отношений с Советом, и без того шатких. Нельзя этого допустить. Да в те роковые дни и за правительство было немало рабочих, только всё невооружённых. Нет, надо как-то уладить по-хорошему.

Так кризисные дни не миновали, а только стали затяжными.

Единственный Милюков считал, что Временное правительство в апрельские дни одержало победу – и надо теперь держать себя к Совету твёрдо. Но тем только выкапывал ров вокруг себя: никто из министров не мог согласиться с таким безумием.

А Гучков, мрачнее всех, говорил, напротив: что всему правительству надо уйти: опубликовать к стране нечто вроде политического завещания – и на этом *кончить*. Министры изумлялись такой безнадёжности. Все они считали, и Некрасов горячо это повторял: невозможно нынешнему правительству отказаться от власти, нельзя кинуть власть, не зная, кому она будет передана.

Да ведь мы же поклялись довести страну до Учредительного Собрания!

Да ведь мы же головой рисковали, когда брали власть – ещё прежде царского отречения!

А вот – такая неблагодарность к нам.

Но и все понимали теперь, что правительство страдает без парламентской опоры. Предполагалось раньше когда-то, что будущее ответственное правительство будет опираться на Думу. Но вот уж безтактно – перед Советом – было бы сейчас созывать Думу.

Да и кто в ней остался?

Да и как её потом распустить?

Это всё мутил Шульгин. А собери – засыпят правительство запросами, работать станет совсем невозможно.

Как раз в эти дни зашевелились думцы, и приезжал Родзянко настаивать, особенно под тем предлогом, что 27 апреля – годовщина созыва безсмертной 1-й Думы. Очень некстатняя годовщина, и Совет был бы возмущён. Однако князь Львов нашёл извилистый выход: 27-го созвать юбилейное заседание, но – всех четырёх Дум. (Тогда ясно будет, что это не постоянный орган, а просто митинг.) Родзянко не сумел отказаться от соблазна: уж хоть что-нибудь собрать. Согласились.

Нет, никуда не укрыться: надо напрямую разговаривать с социалистами из ИК. Звать их в правительство. После этого кризиса нам без них больше не существовать.

К такому коалиционному правительству начинало клониться всё. И множество телеграмм из провинции – от местных самоуправлений, интеллигенции, чиновников – все требовали коалиции с социалистами. И по всем не-левым, благоразумным газетам разлилось после кризиса такое же обсуждение: мы отвратились от призрака гражданской войны и теперь со всех сторон идём к коалиционному правительству, к сочетанию всех действующих сил и партий. Кризис показал, что работа правительства не может продолжаться как прежде: или создать условия доверия и поддержки не «постольку-поскольку», а безусловных, или сформировать новый кабинет, которому будет открыта более счастливая обстановка. И даже пришла в правительство частным образом группа молодых, но старших офицеров Военного округа: просим! пойдите на всё! – только бы Советы помогли поддержать дисциплину в армии и в тыловых гарнизонах.

А в самом правительстве Владимир Львов так просто сиял: да он от самого начала революции был сторонник, чтобы советские входили в правительство! Без них нам никогда не управиться. А Керенский, Некрасов, Терещенко дружной тройкой рвали к этому же – и отдельными совещаниями с князем Львовым увлекли его. Да какие же разумные возражения можно было противопоставить? Вслед за ними и все присоединялись, кроме Милюкова и Гучкова. (Была и облегчительная надежда, что при крупных перестройках кабинета они двое перестанут отягощать собою правительство.) Терещенко, опережая события, уже пригласил советских в свою комиссию по финансовым реформам. И он, и Некрасов всё время встречались частно с представителями ИК и обещали, что будет хорошо.

Но в понедельник, 24-го поздно вечером, на первой Контактной комиссии после кризиса, когда заговорили об этом прямо, Церетели с неизменной своей прямотой ответил:

> А какая вам польза, если мы войдём? Мы из каждого спорного вопроса будем делать ультиматум, а не уступите – будем с шумом выходить. Так лучше не входить.

И убедительно.

Снова и снова совещались сегодня растерянные министры: что же делать?

Милюков сидел каменный, а торжествующий. Гучкова не было, как обычно.

Но его идея, что пришло время обратиться к стране о том, что давит сердце, – привилась. И последние дни на заседания правительства стал приходить Кокошкин. Из министров реши-

тельно некому было писать такое Обращение: все заняты, и не каждый владеет пером. Поручили Кокошкину. Но когда он принёс и прочёл свой первый проект, – министры, кроме безжалостного Милюкова, единодушно ахнули: это была правда, да, та самая, что они чувствовали, но невозможно бы это опубликовать: это был бы прямой обвинительный акт против Совета, и тогда конец всему! – Совета нам не опрокинуть.

Стали править. Три заседания правили (сегодня – третье), а в промежутке правил сам Кокошкин, а Керенский советовался со своими эсерами – и так постепенно Обращение стало принимать благообразный вид.

Теперь против него возражал Милюков: что появился извинительный тон; что, признавая свои провалы, правительство дискредитирует само себя. Но никто его не поддержал, кроме Мануйлова. Да все министры – уже устали безконечно, от одного недосыпа, у всех были почерневшие, состарившиеся лица.

Да весь смысл Обращения – отнюдь не стукнуть дверью, но при всей стране громко призвать Совет разделить ответственность за управление.

А если Совет всё же отшатнётся?

Ну вот тогда… тогда мы станем независимы?..

Увы, в свою независимость они уже не могли поверить.

Начиналось Обращение всё от той же печки, как

> могучим порывом народной воли был низвергнут старый порядок… Члены правительства не поколебались взять на свои плечи тяжёлое бремя в твёрдой уверенности, что единодушная поддержка народа…

И вот, несмотря на краткость прошедших месяцев, народ уже имеет возможность судить, как правительство выполняло обязательства.

Напряжённая деятельность, посвящённая текущим неотложным нуждам. Амнистия. Отмена смертной казни. Национальное и вероисповедное равенство. Свобода собраний и союзов. Местное самоуправление (пока в будущем). И подробнее – о законоположениях изданных. И предполагаемых. Учредительное Собрание, правда, ещё не созвано, но

> установлен план работ по составлению положения о выборах,

а для того Особое совещание, из самых авторитетных представителей, которое скоро приступит к работе. Дело в том, что Российское Учредительное Собрание должно быть избрано по наилучшему из мыслимых в Европе избирательных законов. (Но составление самой комиссии не удавалось уже второй месяц: Совет рабочих депутатов требовал себе мест больше, чем ему предложено, нет баланса и по национальностям. Так что вряд ли комиссия соберётся раньше середины мая.) Зато уж в армии

> демократические реформы, далеко опережающие всё, что сделано в этом направлении в наиболее свободных странах мира.

Конечно, армия испытала потрясение. Теперь восстанавливается её организация. Зато – за чинами армии вся полнота гражданских и политических прав. И –

> воинская дисциплина на началах, соответствующих духу свободного демократического строя.

И создан Главный земельный комитет. И – полнейшая автономия Финляндии. И будущая независимость Польши.

Кажется, в списке ничего не проронили. (Упомянули и хлебные карточки, но более высоким языком.) Список был долог и почётен. Однако тут и начиналась самая трудная часть Обращения. При такой успешной программе, как бы это выразиться? –

> Временное правительство не может скрыть от населения тех затруднений и препятствий, которые оно встречает… Оно не считает также возможным умалчивать, что в последнее время затруднения растут и вызывают тревожное опасение за будущее.

Вот, с этого места и начиналась мечевая рубка, внесенная слабеньким худоплечим Кокошкиным. Вот её-то и устранили. А вместо этого – скромное напоминание о своём благородстве: что

> Временное правительство в основу государственного управления полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе. Ни одной капли народной крови не пролито по его вине…

Вот только так осторожно намекнуть, что стреляли *не мы.* И снята нападательная часть на ленинцев, а как же это роково так всё сломилось?

> Домогательства отдельных групп и слоев грозят разрушить гражданскую дисциплину… насильственные акты, сеющие вражду к новому строю…

И пожаловаться хочется – и никак нельзя. Но скажем: всё это

> угрожает привести страну к распаду внутри и к поражению на фронте.

Не переродиться и для этих строк, уж какие удались:

> Временное правительство призывает всех и каждого к укреплению государственной власти. Пусть все поддержат её повиновением и содействием. А правительство с особенной настойчивостью возобновит усилия к расширению его состава… привлечением тех активных творческих сил страны…

Возобновит, а не начнёт, – это князь Львов предложил, это очень тонко выражено, это значит: мы и прежде приглашали советских, да они не идут.

Цензовое правительство просило социалистов о помощи.

А больше – а больше, как рыба на суше глотая воздух, не могли они вымолвить стране ничего.

* * *

РАД БЫ ЗАПЛАКАЛ, ДА СМЕХ ОДОЛЕЛ

* * *

106

За эти семь революционных недель, пережитых Каменкой, только одна была спокойная – пасхальная: сошёлся и великий праздник, и разлив, – над полями то забористое солнце, то тёплые туманы, снег быстро сходил, низины заливало, прерывая дороги, отрезало от Каменки весь мир вместе с революцией, – а тут тихо, тепло, празднично, и жаворонков слышно. Но не успели ещё стянуться, усохнуть все озерки, ещё воронки и ямины на дорогах, а поля непролазные чёрно-мягко-бархатные, с последними полосками снега, – опять стали наезжать агитаторы, городские посланцы с красными бантами, задолго назвенивая колокольцами по верхней сампурской дороге. Вернулся и Скобенников из Тамбова с полным тарантасом брошюр, велел Юлии Аникеевне раздавать крестьянам и разъяснять, она же невольно теперь слушалась его как старшего, чего не было раньше, по школьному делу она превосходствовала прежде над ним. Скобенников теперь совсем учить детей перестал, только распоряжался комитетскими делами да всё приезжал-уезжал, метался по другим сёлам. Сильно упала и прилежность детей, приходили хуже, и Юлия Аникеевна тоже сокращала уроки. Да с одними брошюрами и политическим просвещением было дел по горло, а ещё велено было ей и двум женщинам из больницы по очереди дежурить при волостном комитете и разбираться с их бумагами.

Просвещать крестьянскую массу сегодня (ещё и сама же на ходу просвещаясь, тут много и для неё новизн) было куда трудней, чем учить ребятишек в школе. И прежде её объяснения встречались не слишком лестно. Один её окончивший ученик стал объяснять отцу, что земля круглая, – тот плюнул: «Ну, зря я тебя учил. И дура ж твоя Струтишка». (Такая странная кличка утвердилась за ней в селе, даже может быть, взрослые прилепили раньше детей.) А теперь в этой кипе брошюр, которую привёз Скобенников, три четверти было, видимо, из какого-то подпольного архива, издания 1905–06 годов, и вот дохранили, извлекли и, не сверяясь, кинули на расхват крестьянству. Но никто их хватать не стал, всё не ко дню, чужое, а главное – каким языком написано, ни одной понятной народу фразы, требуются ещё переводчики с этого языка на народный, но и не Юлия же будет этим заниматься. Были и новейшие брошюры этих недель, и написанные первоклассными интеллигентскими силами, – но чем первоклассней, тем и непонятней, и они только раздражали крестьян против самой раздатчицы. Да ещё же ведь: наиболее грамотная молодая мужская часть деревни – вся на фронте, и деревня стала неграмотней, чем обычно. Вот и слышишь, что «Русские ведомости» скусно курить, хороша тонка бумага, а «Русское слово» и заворачивать жёстко, и горчит. Но даже и не в грамотности дело: не тогда понимает крестьянин, когда слушает беседу, речь, а когда сам вопросы задаёт и сам возражает. Должна была Юля объяснять им подписку на заём свободы, – отвечали: «Да за эти 49 лет десять раз помрёшь, кто ж так деньги даёт? Никогда их назад не получишь». (Притащился в Каменку левый агитатор и: да, да, не получите, государство к краху идёт!) Должна была Юля объяснять и хлебную монополию – все сплошь не верили, считали грабежом. «Будут хлеб отбирать? Да не дадим! Я гни спину, а он приедет хлеб забирать? Ни по какой цене!» Руки опускаются, ничего не объяснишь. Да она и сама в этой монополии не слишком понимала.

На монополию жаловался ей и один приезжий лектор: если теперь будут оставлять деревне хлеб только на едоков – так это надо с собой, если едешь, кроме книг ещё хлеб везти и чуть не овса своей лошади? Впрочем, пока что приезжали они при звонких бубенчиках парами (вместо городского автомобиля), тут их сытно кормили, и держали они речи вроде такой:

– Романовская монархия была страшная заразная болезнь, вы испытали её ужасы. Теперь вы перестали быть рабами царизма и барщины, воплотите же в себе психологию свободного человека! Крестьянин раньше давал государству только хлеб, а теперь от него нужна мудрость

государственного строительства. Крестьянская женщина раньше рожала государству солдат и рабочих – а теперь она полноправная гражданка и может развернуть свои духовные силы.

И к чему совсем не были готовы мужики – к разноречию между газетами. Чем слабей крестьянин в печатном слове, тем он с большей верой: раз напечатано – значит правда. Не различают – закон, проект, резолюция, что написано – то и закон. А тут по разным концам села ходят разные газеты – и вразнобой. Где же правда? И сильно действует, когда на газете так и написано крупно: ПРАВДА.

Но и так же видели мужики, что и при новом порядке – ни топора купить, ни подковать лошадь, ни, куда там, натянуть новую шину на колесо, нечем чинить ни избы́, ни ворот, а в лампочках керосин стали мешать с водой – потрескивает, но всё же горит. Зато наладились гнать самогонку из ржаной муки в чугунках с примазанной шейкой и трубочкой – из пуда муки, говорят, семь бутылок 1-го сорта, идёт по 3 рубля за бутылку, да ещё 2-го, – а хлеб, мол, всё равно пропадает, да вот и отбирать будут.

Время сева, а зачастили сходы – для каждого приезжего, и каждого приезжего слушают: или кого-то ещё выбирать, или *насчёт новых правов*. Аплодисментов мужики не умеют, слушают напряжённо и молчат, оратор не знает, что и думать. Или скажут ему потом: «Твоё дело – говорить, наше дело – выслушать, а выйдет, как Бог даст». Очень недовольны мужики-хозяева, что на эти сходы, которые теперь и сходами не зовутся, но собраниями, – валит и молодёжь, раньше не допускаемая, и бабы приходят: «Вы нам тут баб перемутите, их тогда и в оглобли не впряжёшь». – «Да что это за слобода пошла, мора на неё нет, ровно очумел народ». Про Учредительное Собрание натолкуют – спрашивают мужики: «Так за кого голосовать: за царя или за студентов?» Бабам политики не поясняют, а бабы свою политику знают: мира хотят как одна. А пока требуют: удвоить казённый паёк солдаткам, его по 10 рублей в месяц дают на каждую законную жену и на каждого ребёнка от 5 до 16 лет, и всю войну считалось слишком хорошо, – но теперь стали требовать по 20 рублей давать, и ребёнку до 5 лет тоже, и невенчанным жёнам тоже. А на то старики только головами покачивают: «Ох, останемся безо всякого порядку».

Чем больше слов непонятных у оратора – тем пристальней слушают. Национализация, социализация – одна тарабарщина. И вдруг разобрались: «Как это? – ни продать, ни распорядиться, как схочется? Какая ж это слобода?.. Вот если б нам земли побольше да делай на ней что хочешь – вот это слобода!» И какой приезжий говорит о земле крайне́й – того и слушают. Откуда-то сложилось у крестьян, что какую землю этой весной засеешь – та за тобой впредь и будет, а свою хоть и не засевай – всё равно за тобой.

Да когда ж эта прирезка земли низойдёт? ведь сев упускаем! – хаживали спрашивать и к толстовцу Васе Таракину, Лыве, он как грамотный теперь много читал вслух и пояснял печатное. И Лыва со внутренним сиянием объяснял:

– Будет прирезка! Непременно! Теперь-то – вся земля наша. Повременить только надо, чтобы без этой, анархии…

– А от *каких* нам прирежут? – (То есть от кого из помещиков.)

– Да, помещиков нам Бог мало послал. Ну, найдётся земля, должна найтись. Революция никого не обидит.

И улыбался виновато, что нету земли.

От такого сумбура крупное Туголуково устроило складчину, да послали одного своего в Питер: своими глазами повидать, всё узнать. Воротился – и на сходе повинился: «Так много разного слышал, братцы, так много разного, всё перепуталось, всё забыл!» И сельчане посадили его в холодную за то, что деньги зря проездил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.